

INSPIRIA

лонг-лист
Букеровской
премии 2020

с и п а м ж а н ь

СКОЛЬКО

ЗОЛОТА

В ЭТИХ

ХОЛМАХ

INSPIRIA

Си Памжань

Сколько золота в этих холмах

Серия «Loft. Букеровская коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65061226

Сколько золота в этих холмах:

ISBN 978-5-04-117815-4

Аннотация

Ночью умирает Ба. Ма нет уже давно. Вмиг осиротевшие Люси и Сэм оказываются совсем одни – затерянные на просторах земель, где все кажется чужим. В поисках подходящего места для могилы отца они отправляются в путешествие, прочь от злобы жителей шахтерского городка – к открытым равнинам, желтой кромке горизонта, змеящимся вдалеке холмам, – и новым надеждам.

«Сколько золота может быть в этих холмах» – дебютный роман американской писательницы китайского происхождения Си Памжань, вошедший в лонг-лист Букеровской премии.

Пронзительная история детей, потомков китайских иммигрантов, оказавшихся совсем одних в Калифорнии времен пост-золотой лихорадки, завоевала сердца читателей и критиков практически сразу после публикации. Этот исторический роман в новом свете показывает американский запад XIX

века, а поэтичное повествование и душераздирающая история взросления влюбляет в себя с первых страниц.

В этой книге сплетаются мифический символизм китайской культуры и терпкий дух Калифорнийской золотой лихорадки. «Сколько золота в этих холмах» – роман о приключениях, о сестринской любви, о страхе, боли, принятии, наследии и истории.

"Запоминающийся, захватывающий и поистине замечательный дебют. Памжань пишет с ясностью и пронизательностью древних мифотворцев, тонко подмечая превратности природы и человечества". – Чигозие Обиома

Содержание

Часть первая	6
Золото	6
Слива	34
Соль	53
Череп	62
Ветер	73
Земля	78
Мясо	84
Вода	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Си Памжань Сколько золота в ЭТИХ ХОЛМАХ

*Моему отцу Жаню Хоньджиану, любимому, но
едва ли знаменитому.*

Эта земля – не ваша земля.

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

XX62

Золото

Ба умирает ночью, подвигнув их искать два серебряных доллара.

Сэм к утру начинает раздраженно притопывать ногой, но Люси чувствует потребность поговорить, прежде чем они уйдут. Молчание давит на нее все более тяжелым грузом, давит, пока она не сдастся.

– Прости, – говорит она лежащему на своей постели ба.

Простыня, которой он накрыт, – единственный чистый кусок материи в полутемной и пыльной хибарке, где на всех поверхностях лежит угольная пыль. Ба и при жизни не обращал внимания на беспорядок, и в смерти его злобный косой взгляд ничего не замечает. Не замечает он и Люси. Для него есть только Сэм. Больше он никого не любит – только этот сгусток нетерпения, мельтешащий у двери, в больших не по размеру ботинках, ловивший каждое слово ба, когда тот был жив, а теперь не желающий встречаться с ним взглядом. И тут понимание наконец осеняет Люси: ба ушел навсегда.

Она зарывается босыми пальцами в земляной пол, ищет

такие слова, к которым Сэм прислушается. Которые смягчат годы боли благодатью. В льющихся из единственного окна лучах солнца прозрачно висит пыль. Бездвижный воздух не колышет ее.

Что-то подталкивает Люси в спину.

– Бах, – говорит Сэм. Одиннадцать против двенадцати Люси, дерево против ее воды, как любила говорить ма, но при этом Сэм на целый фут ниже Люси. Сэм выглядит совсем как обманчиво мягкий ребенок. – Слишком медленно. Ты убита. – Сэм выставляет пальцы на пухлом кулаке и дует на ствол воображаемого револьвера.

Так делал и ба. «Вот это правильно!» – говорил он, а когда Люси как-то раз возразила, сославшись на учителя Ли, который сказал, что новые револьверы не перегреваются и на них не нужно дуть, ба счел правильным влепить ей удар такой силы, что искры посыпались у нее из глаз, нос обожгло огниво боли.

Нос у Люси так никогда и не выпрямился. Она прикасается к нему большим пальцем, думает. «Правильно, – сказал ба, – дать ему зажить самому». После того как синяк сошел, он посмотрел на лицо Люси и быстро кивнул. Словно давным-давно задумал это. «Правильно, у тебя теперь есть напоминание о том, что дерзить недопустимо».

Сэм стоит перед ней: бронзовое лицо, покрытое не только неизменной грязью, но еще и втертым в него порошком, чтобы походить на индейца, как его представляет себе Сэм, в бое-

вой раскраске, но под всем этим – невинное лицо.

На этот раз, поскольку кулаки ба беспомощно лежат под простыней, а Люси, как она ни хороша, как ни умна, думает, что если станет досаждать ему, то он, возможно, встанет и набросится на нее, – Люси делает то, чего не делает никогда: видя, как Сэм выпячивает грязный подбородок (который можно было бы назвать хрупким, если бы не манера выставлять его вперед), она сцепляет руки, выставляет указательные пальцы и тычет ими в незатронутую боевой раскраской ямочку под нижней губой.

– Бабахай себя, – говорит Люси, и после ее толчка – таким погоняют преступников – Сэм оказывается за дверью.

Солнце иссушает их. К середине засушливого сезона дождь превратился в далекое воспоминание. Их долина представляет собой голую землю, разделенную пополам петляющим ручейком. По эту сторону расположены ветхие лачуги шахтеров, по другую – дорогие здания с настоящими стенами и стеклом в окнах. А вокруг опоясывает долину бесконечное золото обожженных солнцем холмов; а в их высокой пожухлой траве прячутся стоянки всякого сброда – золотоискателей, индейцев, группок бакеро¹, путешественников, преступников, а еще шахты, шахты и новые шахты, еще и еще.

Сэм распрямляет узкие плечи и перепрыгивает через ручей в своей красной рубашке, напоминающей крик среди

¹ Vaquero (исп.) – конный пастух.

бесплодной земли.

Когда они только поселились здесь, в долине росла желтая трава, на возвышенностях – низкорослые дубы, а после дождей появлялись маки. Наводнение, случившееся три с половиной года назад, с корнем выдрало дубы, половина обитателей долины и холмов утонули или покинули свои дома. Но их семью наводнение не затронуло – их хибарка стояла в одиночестве в дальнем конце долины. Ба напоминал дерево, расколотое молнией: внутри мертвый, а корни все еще цепляются за землю.

А теперь, когда ба нет?

Сэм оставляет следы, и босоногая Люси шагает по ним и молчит, копя слюну. Вода давно ушла, после наводнения жажда почему-то стала сильнее мучить мир.

И ма нет уже не первый год.

За ручьем тянется широкая главная улица, переливающаяся и пыльная, как змеиная кожа. Вдоль улицы декоративные фасады: за одним салун, за другими кузница, фактория, банк, гостиница. Люди держатся тени, как ящерицы.

Джим сидит в своем магазине, скрежещет пером в бухгалтерской книге. Она толстенная, как и он сам, да и весит половину того, что весит он. Говорят, что он ведет учет долгов всех обитателей территории.

– Извините нас, – бормочет Люси, расталкивая локтями стайку ребятишек, которые слоняются близ сладостей, их

глаза жадно ищут то, что утолит их скуку. – Простите. Виновата.

Она сжимается, чтобы быть меньше. Ребятишки лениво расступаются, пытаются оттолкнуть ее. Хорошо, хоть сегодня не лезут щипаться.

Джим по-прежнему сосредоточен на своей книге.

Теперь громче:

– Извините, сэр?

Десяток взоров пронзают Люси, но Джим продолжает ее игнорировать. Заранее зная, что ничего хорошего из этого не выйдет, Люси кладет руку на прилавок, чтобы привлечь его внимание.

Джим поднимает глаза. Они у него красные, края век – как сырое мясо.

– Убери, – говорит он. Его голос звучит резко, холодно – не голос, а натянутая стальная проволока. Он продолжает писать. – Мыл прилавок сегодня утром.

Рваный смех за ее спиной. Это не волнует Люси, которая почти всю жизнь провела в таких городках, – у нее не осталось уязвимых мест к таким вещам. Если что и выворачивает ее наизнанку, как выворачивало, когда умерла ма, так это то, как смотрит Сэм – прищуривается так же злобно, как и ба.

«Ха! – произносит Люси, потому что Сэм будет и дальше молчать. – Ха! Ха!»

Ее смех защищает их, делает частью стаи.

– Сегодня только целые куры, – говорит Джим. – Никаких

вам ножек. Приходите завтра.

– Нам не нужно еды, – лжет Люси, уже чувствуя вкус куриного мяса на языке. Сжимает кулаки опущенных рук. И говорит о своей нужде.

«Я тебе скажу единственные волшебные слова, которые имеют значение», – проговорил ба, когда зашвырнул книги ма в озеро, образовавшееся после грозы. Он ударил Люси, чтобы перестала реветь, но его рука в тот раз была мягка. Чуть ли не нежна. Он присел, уставился на Люси, которая размазывала сопли по лицу. «*Тин во²*, девочка Люси: в долг».

Слова ба и вправду производят волшебное действие. Джим перестает писать.

– Повтори, девочка?

– Два серебряных доллара. В долг.

Голос ба грохочет за ее спиной, в ее ушах. Люси ощущает запах виски. Она не осмеливается повернуться. Она не знает, что будет делать, если почувствует лопаты его ладоней на своих плечах – закричит или засмеется, убежит или обнимет его за шею с такой силой, что не расцепит рук, как бы он ее ни бранил. Слова ба выкатываются из туннеля ее горла, словно призрак из темноты.

– Вернем в понедельник. Нам и нужна-то всего небольшая отсрочка. Честно.

² Слушай меня (*кит.*). Некоторые китайские слова и выражения повторяются, сноска дается только при первом употреблении. Полный список слов и выражений – в глоссарии в конце книги. (*Прим. пер.*)

Она плюет на ладонь и протягивает руку.

Джим наверняка слышал эти слова от шахтеров, от их высохших жен и голодных детей. Бедных, как Люси. Грязных, как Люси. Все знали, что Джим в таких случаях кряхтел, давал то, что у него просили, а в день платежа взимал деньги в двойном размере. Ведь это он как-то раз после несчастного случая на шахте распродал в долг бинты. Людям, которые были в таком же отчаянии, как сейчас Люси.

Но все они лишь отчасти походили на Люси. Джим изучает ее взглядом. Босая. Пятна пота на плохо сидящем синем платье, сшитом из кусков рубашки ба. Худые руки, растрепанные волосы, похожие на мелкую проволочную сетку. И ее лицо.

– В долг твоему папаше я дам зерно, – говорит Джим. – И те куски животных, которые вы считаете пригодными для еды. – Его губы загибаются, обнажая полоску влажной десны. У кого-нибудь другого это могло бы называться улыбкой. – А за деньгами пусть идет в банк.

Слюна высыхает на ладони Люси, так и не удостоившейся прикосновения.

– Сэр...

Теперь Сэм стучит ботинком о пол громче, чем звучит смолкающий голос Люси. Сэм, расправив плечи, выходит из лавки.

Сэм – малявка, точнее не скажешь. Но Сэм умеет шагать по-мужски в своих ботинках из телячьей кожи, отбрасывая тень, которая лижет босые пальцы Люси; Сэм считает, что размер тени и есть истинный рост, а тело – временное неудобство. «Когда я буду ковбоем», – говорит Сэм. «Когда я буду владельцем шахты». А раньше было: «Когда я буду известным преступником. Когда я вырасту». Сэм настолько ребенок, что думает, будто одно только желание может изменить мир.

– Банк таким, как мы, не поможет, – говорит Люси.

Она с таким же успехом могла ничего не говорить. От пыли щиплет в носу, она останавливается, чтобы прокашляться. В горле першит. Ее рвет вчерашним обедом прямо на улицу.

Тут же набегают собаки и начинают вылизывать ее рвоту. Несколько мгновений Люси колеблется, хотя Сэм отбивает тяжелыми ботинками нетерпеливую дробь. Она воображает, как становится на четвереньки среди собак и сражается с ними за каждую крошку, которая принадлежит ей. Их жизнь – живот и ноги, бег и еда. Простая жизнь. А Сэм стоит тем временем в одиночестве, наблюдает.

Она заставляет себя распрямить спину и идти на двух ногах.

– Готов, напарник? – говорит Сэм.

На сей раз это реальный вопрос, а не выхаркивание пережеванных слов. Впервые за этот день Сэм не щурит свои темные глаза. Под защитой тени Люси глаза широко раскрываются, в них что-то чуть ли не трогательное. Люси протягивает руку, чтобы прикоснуться к коротким черным волосам там, где съехала набок красная бандана. Она вспоминает запах кожи новорожденного младенца: дрожжевой – честный запах масла и солнца.

Но, сделав движение, она пропускает солнце. Сэм, сомкнув веки, отходит в сторону. По растопыренным карманам Люси видит, что руки в них снова превратились в пистолеты.

– Я готова, – говорит Люси.

* * *

Пол в банке выстлан сверкающими досками. Светлыми, как волосы на голове у дамы-кассира. Доски такие гладкие, что подошвы Люси не собирают ни одной занозы. Сэм топает ботинками, и их стук становится похож на звуки выстрелов. Боевая раскраска лица не может скрыть, что шея покраснела.

Та-тап – идут они по банку. Кассирша пялится на них.

Та-ТАП. Кассирша подается назад. Из-за ее спины выходит мужчина. Из кармана его жилетки свешивается цепочка.

ТА-ТАП ТА-ТАП ТА-ТАП. Сэм поднимается на цыпочки перед кассой, отчего кожа ботинок сминается. Сэм очень бережет свои ботинки.

– Два серебряных доллара, – говорит Сэм.

Губы у кассирши подергиваются.

– У вас есть...

– Счета у них нет. – Эти слова произносит мужчина, Сэм в его глазах, вероятно, ничем не отличается от крысы.

Сэм замолкает.

– В долг, – говорит Люси. – Пожалуйста.

– Я вас видела тут неподалеку. Это отец прислал вас просить?

В некотором роде прислал.

– Мы вернем в понедельник. Нам и всего-то нужна небольшая отсрочка.

Люси не говорит «честно». Не думает, что мужчина услышит это слово.

– Это не благотворительное заведение, вы, маленькие... – Губы мужчины двигаются еще несколько мгновений, после того как голос смолкает, как у той женщины, которую как-то видела Люси – женщина говорила разными голосами, сила, не подчинявшаяся ей, выталкивала слова между ее губ. – Попрошайки. Бегите отсюда, пока я не позвал шерифа.

Ужас холодными пальцами проходится по позвоночнику Люси. Источник ее страха не банкир. Источник ее страха – Сэм. Она узнает выражение этих глаз. Думает о ба с приот-

крытыми веками, бездвижно лежащем в своей постели. Она проснулась утром первой. Она увидела мертвое тело и сидела без сна, ждала, когда проснется Сэм, и только потом, как могла, закрыла глаза ба. Она поняла, что он умер озлобившимся. Теперь она считает иначе: отец лежал, оценивающе сощуриив глаза, как охотник, следящий за добычей. Она уже видит признаки одержимости: Сэм щурит глаза, как это делал ба. Сэм несет в себе озлобление ба. Но этим напоминания о ба не исчерпываются: ботинки, место на плече его чада, куда ба клал руку. Люси представляет, как будут дальше развиваться события. Ба будет день за днем гнить на своей постели, его дух выйдет из тела и перейдет в тело его дитяти, а в один прекрасный день Люси проснется и увидит, что Сэм смотрит на нее взглядом ба. И тогда Сэм потеряет себя навсегда.

Они должны похоронить ба, закрыть его глаза тяжестью серебра. Люси должна объяснить это банкиру. Она готова умолять.

Сэм говорит:

– Бах.

«Не валяй дурака», – хочет сказать Люси. Она тянется к этим пухлым коричневым пальцам, но от них исходит какой-то странный блеск. Черный. Сэм держит в руке револьвер ба.

Кассирша падает в обморок.

– Два серебряных доллара, – говорит Сэм, понизив голос,

который звучит теперь, как голос ба.

– Извините, сэр, – говорит Люси. Она широко раскрывает рот. *Ха! Ха!* – Вы же знаете ребяташек – они помешаны на всяких игрушках, пожалуйста, извините, маленькие вечно...

– Беги отсюда, пока я тебя не линчевал, – говорит мужчина, глядя прямо в глаза за дулом револьвера. – Беги. Ты. Маленькая. Грязная. Узкоглазая обезьяна.

Сэм нажимает на спусковой крючок.

Грохот. Хлопок. Топот. В уши Люси входит ощущение чего-то громадного. Гладит ее грубыми ладонями. Она открывает глаза и видит серый дым, повисший в воздухе, Сэм, отступив назад, прижимает руку к щеке, ушибленной отдачей револьвера. На полу лежит мужчина. Единственный раз в своей жизни Сэм плачет, но Люси не обращает внимания на эти слезы. Сэм сейчас дело второстепенное, пусть остается на месте. А она ползет к банкиру. В ушах у нее звенит. Ее пальцы нащупывают щиколотку мужчины. Его бедро. Грудь. Его целую, нетронутую, бьющуюся грудь. На его виске след удара – он, отпрыгнув, ударился головой о полку. Других повреждений нет. Револьвер дал осечку.

Из облака дыма и пороха до Люси доносится смех ба.

– Сэм. – Она противится позыву заплакать. Сейчас ей нужно быть сильнее самой себя. – Сэм, ты совсем без головы, *бао бэй*³, маленькая жопа. – Она смешивает сладость и горечь, ласку и брань. Как и ба. – Мы должны бежать.

³ Детка (*кит.*).

Любая девочка чуть ли не рассмеялась бы, узнав, как ба оказался на этих холмах и стал старателем. Как и тысячи других, он считал, что желтая трава этих мест, ее монетный блеск на солнце обещает еще более блестящее вознаграждение. Но ни один из тех, кто пришел на запад копать, не задумывался о том, что эта земля страдает от жажды, о том, что она высасывает их пот и силы. Никто из них не задумывался о ее скаредности. Большинство искателей счастья появились здесь слишком поздно. Богатства были выкопаны, иссякли. Ручьи не несли золотого песка. В земле не осталось золотоносных жил. Вместо золота они нашли в этих холмах товар куда как более дешевый – уголь. Никто не мог разбогатеть на угле или использовать его, чтобы насытить свои глаза и воображение. Хотя уголь мог более или менее прокормить его семью зерном с долгоносиками и крохами мяса, но потом его жена, утомленная мечтами, умерла, рожая сына. После чего деньги, тратившиеся на ее еду, можно было тратить на выпивку. Месяцы надежд и экономии свелись к этому: бутылке виски и двум могилам, вырытым там, где их никто не найдет. То, что ба привел их сюда, чтобы разбогатеть, а они теперь готовы были убить за два доллара, могло девочку чуть ли не рассмешить – *ха! ха!*

И они крадут. Берут то, что им нужно, чтобы исчезнуть из

города. Сэм поначалу сопротивляется, упрямится, как всегда.

– Мы же никого не убили, – стоит на своем Сэм.

«И даже намерений таких у тебя не было?» – думает Люси.

– Для таких, как мы, у них все превращается в преступление, – говорит она. – А если понадобится, то они что угодно объявят законом. Ты что, не помнишь?

Сэм поднимает подбородок, но Люси видит, что Сэм сомневается. В этот безоблачный день и Люси, и Сэм чувствуют плеть дождя. Они помнят, как гроза бушевала внутри дома и даже ба ничего не мог сделать.

– Мы не можем ждать, – говорит Люси. – Даже похоронить его у нас нет времени.

Наконец Сэм кивает.

Они ползут, животами по земле, к зданию школы. Как это просто – раз, и ты уже наполовину превратился в то, чем тебя называют другие: отвратительное животное, ворюга. Люси крадется вокруг здания к тому месту, которое загорожено классной доской. Изнутри доносятся голоса. В декламировании есть некий торжественный ритм: гулкий голос учителя, а в ответ – многоголосье учеников. Люси почти, почти выдыхает и свой голос, чтобы присоединиться к этому хору.

Но ее вот уже несколько лет как не пускают внутрь. За столом, за которым сидела она, теперь два новых ученика. Люси до крови прикусывает щеку и отвязывает Нелли – серую кобылу учителя Ли. В последний момент она берет и

седельные мешки Нелли, набитые овсом.

Они возвращаются к своему дому, Сэм по приказу Люси заходит внутрь – собрать все, что им понадобится. Сама Люси остается снаружи – осматривает сарай и сад. Изнутри доносится шум – удары, звон – звуки скорби и ярости. Люси не входит в дом. Сэм не просит помощи. Между ними еще в банке возникла невидимая стена, когда Люси проползла мимо, прямо к банкиру, чтобы мягкими пальцами прикоснуться к нему.

Люси оставляет записку на двери учителя Ли. Она силится писать красивыми фразами, которым он учил ее годы назад, будто слова могут быть более убедительным доказательством, чем доказательство ее кражи. У нее плохо получается. Ее рука коряво выводит строку за строкой: *простите, простите.*

Сэм появляется со свернутыми постельными принадлежностями, скудным запасом еды, кастрюлей, сковородкой и старым сундуком ма, длинным, почти в человеческий рост, Сэм волочит его по земле, натягивая кожаные ремни с пряжками. Люси и предположить не может, какие реликвии уложены внутрь. Они не должны перегружать лошадь... но больше всего не дает ей покоя та стена, что возникла между ними. Она молчит. Только протягивает засохшую морковь, Сэм берет – их последняя вкусность на какое-то время. Предложение мира. Сэм заталкивает половину в рот Нелли, другую кладет себе в карман. Эта доброта трогает Люси, хо-

тя и распространяется не на нее, а на лошадь.

– Все, попрощались? – спрашивает Люси, когда Сэм, закинув веревку на спину Нелли, принимается вязать простые узлы.

Сэм только кряхтит, подставляя плечо под сундук, чтобы поднять его. Коричневое лицо краснеет, а потом от напряжения становится фиолетовым. Люси тоже подставляет плечо. Сундук соскальзывает в завязанную петлю, и Люси кажется, что она слышит, как что-то колотится внутри.

Рядом с ней Сэм: темное лицо, оскаленные белые зубы. Люси пронзает страх. Она делает шаг назад. Пусть Сэм затягивает веревку.

Люси не заходит в дом, чтобы проститься с телом. Она сегодня утром отсидела рядом с ним положенные часы. И по правде говоря, ба умер, когда умерла ма. В этом теле уже три с половиной года нет того человека, который когда-то в нем находился. Наконец-то они уйдут достаточно далеко отсюда, чтобы его дух не дотянулся до них.

* * *

«Девочка Люси, – говорит ба, прихрамав в ее сон, – *бэнь-дань*⁴».

Он в редком добродушном настроении. Использует самое

⁴ Идиотка (кит.).

ласковое ругательство, которое она помнит с детства. Она хочет повернуться и увидеть его, но шея не слушается ее.

«Чему я тебя научил?»

Она начинает с таблицы умножения. Рот тоже ее не слушается.

«Не помнишь, да? Вечно все путаешь. *Луань ци ба цзао*⁵». Раздается звук плевка – ба плюется от отвращения. Неровный шаг его больной ноги, потом – шаг здоровой. «Ничего не можешь сделать как надо». Она становилась старше, а ба ссыхался. Ел редко. А когда ел, то, казалось, только чтобы подкормить свой нрав, который прилепился к нему, как старая преданная дворняжка. «Н-да. Прально». Снова плевки, он отходит от нее подальше. Он пьяный, глотает слоги. «Маленька предадельница». Закончив с математикой, он наполнил их лачугу такими сочными словами, которые не одобрила бы ма. «Ты, ленивая жопа, – *гоу ши*⁶».

* * *

Люси просыпается – вокруг нее золото. На холмах в нескольких милях от города раскачивается сухая желтая трава высотой с крупного зайца. Ветер придает ей мерцание, словно солнце отражается от мягкого металла. В шее пульсирует после ночи, проведенной на земле.

⁵ Всюду беспорядок (*кит.*).

⁶ Дерьмо собачье (*кит.*).

Вода. Вот чему научил ее ба. Она забыла вскипятить воду.

Она наклоняет фляжку – пустая. Может, ей приснилось, что она ее наполнила. Но нет – она вспоминает ночь: Сэм хнычет, просит пить, и она спускается к ручью.

«Изнеженная и глупая, – шепчет ба. – Где ты хранишь свои так называемые мозги, которые ты так ценишь? – Солнце беспощадно; он тает в воздухе, сделав на прощание язвительный выстрел: – Слушай, они же у тебя плавают, как только ты пугаешься».

Люси видит первые брызги рвоты – они хаотично разлетаются, словно в темном мираже. Лениво прилетает стая мух. Новые позывы приводят ее к ручью; при свете дня оказывается, что ручей мутный. Вода коричневатая. Как и любой другой ручей в этой земле шахт, он загрязнен стоками. Она забыла вскипятить воду. Чуть поодаль лежит Сэм. Глаза закрыты. Пальцы разжаты. Над изгвазданной одеждой жужжит бесчисленный рой мух.

На этот раз Люси кипятит воду, сооружает костер такой жаркий, что у нее голова плавится. Когда вода остывает до температуры воздуха, Люси омывает дрожащее в лихорадке тело.

Сэм нерешительно открывает глаза.

– Нет.

– Ш-ш-ш. Ты болеешь. Позволь я тебе помогу.

– Нет. – Сэм уже много лет моется без посторонней помощи, но это другой случай.

Сэм лягается, но в ногах нет силы. Люси сдирает ткань с засохшей коркой, старается не вдыхать вонь. От жара глаза горят так ярко, что, кажется, в них светится ненависть. Ношенные дешевые штаны ба, подвязанные веревкой, легко снимаются. В скрещении ног, в складках нижнего белья Люси натывается на что-то. Твердое, корявое.

Люси вытаскивает половину морковки из впадинки между ног младшей сестры: неудачная замена той части тела, которую ба хотел видеть у Сэм.

Люси заканчивает начатое, ее рука дрожит, и оттого тряпка трет тело Сэм сильнее, чем хотела бы Люси. Сэм не хнычет. Не смотрит. Ее глаза обращены к горизонту. Сэм делает вид (как и всегда, когда реальности не избежать), что не имеет никакого отношения к своему телу, детскому телу, пока еще бесполому, дорогому для сердца отца, который хотел сына.

Люси понимает, что должна заговорить. Но как объяснить это соглашение между Сэм и ба, соглашение, которое для Люси никогда не имело ни малейшего смысла. Гора вырастет в горле Люси – гора, которую она не может покорить. Сэм провожает глазами погубленную морковку – Люси швыряет ее куда подальше.

* * *

Целый день Сэм рвет грязной водой, а еще три дня у нее

не проходит жар. Она закрывает глаза, когда Люси приносит кашу из овса и ветки для костра. В эти неторопливые часы Люси изучает сестру, которую почти забыла: пухлые губы, темные колючие ресницы. Болезнь заостряет круглое лицо Сэм, делает его больше похожим на лицо Люси: более лошадиным, более худым, кожа становится землистой, больше желтой, чем коричневой. Она видит по лицу Сэм, насколько та слаба.

Люси сдувает с лица Сэм волосы. Подстриженные коротко три с половиной года назад, они теперь отросли ниже ушей. Шелковистые, горячие от солнца.

Те способы, которыми Сэм прятала себя, казались невинными. Детскими. Волосы, грязь и боевая раскраска. Старая одежда ба и позаимствованные у него кичливые замашки. Но даже когда Сэм воспротивилась воспитанию ма, настояла на том, чтобы работать и выезжать из города с ба, Люси решила, что это обычные игры в переодевание. Ничего больше. Никогда еще Сэм не заходила так далеко. Не было никаких морщенок – попыток сдвинуть и изменить что-то глубоко внутри себя раньше не было.

Умно она устроила. Пришила карманчик к трусам. Хорошая работа для девчонки, которая отказывалась выполнять женские обязанности.

Запах болезни висит над стоянкой, хотя понос у Сэм уже прекратился и у нее хватает сил, чтобы мыться самой. Тучи по-прежнему здесь, и хвост Нелли ни на миг не останав-

ливається. Гордість Сэм достаточнo уязвлена, так что Люси помалкиває о вони.

В один из вечеров Люси возвращається с белкой в руках – это любимая еда Сэм. Белка со сломанной лапкой пыталась вскарабкаться на дерево. Сэм нигде не видно. И Нелли тоже. Люси разворачивається, ее руки в крови, сердце стучит и стучит. В ритме сердцебиения она поет песню о двух тиграх, играющих в прятки. Много лет прошло с тех пор, как ручьи здесь были достаточно глубоки, чтобы в них мог плавать кто-либо крупнее шакала; эта песня из тучных плодородных времен. Эту песню Сэм, если она испугалась и прячется, узнает безошибочно. «Тигренок, тигренок», – поет Люси. Шаги у нее за спиной. *Лай*⁷.

Тень ложится на ноги Люси. И что-то упирается ей в спину между лопаток.

На этот раз Сэм не говорит «бабах».

В тишине мысли Люси описывают круг и медленно, почти мирно, возвращаются; так неспешно парят в воздухе хищные птицы – торопиться ни к чему, когда дело сделано. Куда Сэм сунула револьвер, после того как они бежали из банка? Сколько патронов осталось еще в каморах его барабана?

Она называет Сэм по имени.

– Заткнись. – Это первое слово, произнесенное Сэм после «нет». – Мы в этих краях предателей пристреливаем.

Она напоминает Сэм, кто они такие. «Напарники».

⁷ Идет сюда (*кит.*).

Люси чувствует, что давление переместилось вниз на ее поясницу, словно рука Сэм от усталости опустилась на свою естественную высоту.

– Не двигайся. – Нажим возрастает. – Ты у меня под прицелом. – Люси следует повернуться. Следует. Но. «Знаешь, кто ты?» – рычал ба на Люси в тот день, когда Сэм вернулась из школы с подбитым левым глазом, напоминавшим сливу. А на Люси одежда была чистехонька. «Трусиха. У тебя кишка тонка». Но, по правде говоря, Люси в тот день, глядя на противостояние Сэм и группки ребят, которые дразнят ее, не знала, почему закричала Сэм: то ли от храбрости, то ли по другой причине. Что храбрее – бросаться на врага с воплями или стоять тихо, как стояла Люси, позволяя плевкам стекать по склоненному лицу? Она не знала тогда и не знает теперь. Она слышит щелчок вожжей, слышит ржание Нелли. Копыта ударяют по земле, каждый шаг дрожью отдается в ее босых ногах.

* * *

– Я ищу мою младшую сестру, – говорит она.

В поселке, представляющем собой едва ли больше чем две улицы и несколько перекрестков, ровно полдень. Все жители в такую жару спят, все, кроме двух братьев, которые пинают жестянку, пока дешевый металл не сминается окончательно. Они уже некоторое время разглядывали бродячую собаку,

пытаясь приманить ее с помощью мешка с какими-то продуктами. Собака голодная, но опасливая, помнит прежние удары.

А потом они смотрят на Люси и видят призрак, явившийся, чтобы покончить с их скукой.

– Вы ее не видели?

Испуганные поначалу, мальчишки приглядываются внимательнее. Высокая девчонка с удлинённым лицом, кривым носом, странными глазами над высокими, широкими скулами. При неловком теле лицо кажется еще более необычным. Одежда в заплатках, старые синяки тенью прячутся под кожей. Мальчишки видят ребенка, которого любят еще меньше, чем их.

Пухлый мальчик открывает было рот, чтобы сказать «нет», но тощий обрывает его.

– Может, видели, а может, и нет. Как она выглядит, а? У нее такие же волосы, как у тебя? – Он хватает ее за черную косичку. Другая рука скручивает ее кривой нос. – И такой же уродливый нос? – Теперь обе пары рук хватают ее запястья и щиколотки, ее узкие глаза становятся еще уже, мальчишки больно щиплют кожу, натянутую на скулы. – И такие же смешные глаза?

Собака с облегчением смотрит издалека.

Спокойствие Люси ставит их в тупик. Толстый хватает ее за горло, словно чтобы выдавить из нее слова. Она видела таких. Не то хулиганье, которое спешило к цели, а дру-

гих – медлительных, или с ленивыми глазами, или неуверенных, которые волочились следом, но без особой охоты. Такие с благодарностью присоединялись к первым, потому что ее непохожесть на других сбивала их в стаю.

Но теперь толстый выдерживает ее взгляд, недоумевает, держит ее за горло, вероятно дольше, чем намеревался. Она начинает задыхаться. Кто знает, как долго он бы держал ее, если бы приземистая коричневая бомбочка не ударила его в спину. Мальчишка падает, охнув от боли.

– Отстаньте от нее, – раздается голос того, кто ударил мальчишку. Свирепые глаза смотрят из щелей век.

– Да у тебя подкрепление! – говорит тощий с насмешкой.

И Люси, к которой одним дрожащим хрипом вернулось дыхание, смотрит на Сэм.

Сэм свистит, вызывая Нелли из-за дуба. Сэм протягивает руку к котомке на спине лошади. Никто из троих не знает, что Сэм собирается достать из котомки. Люси воображает, что она видит сверкание, жесткое и черное, как чистейший уголь. Но сначала из сундука на пыльную землю просыпается что-то жирное и белое.

Люси, у которой кружится голова, думает: «Рис».

Это белые зерна, похожие на рис, но они извиваются и ползут, рассеиваются, словно потерялись и ищут дорогу домой. На лице Сэм маска безразличия. Робкий ветерок приносит запах тления.

Тощий брат бросается прочь, взвизгнув:

– Личинки!

Нелли, добродушная породистая кобыла, теперь дрожит, ее глаза широко раскрыты, она, пять полных дней носившая на спине этот ужас, едва сдерживается и, восприняв этот визг как послание, решает наконец бежать.

Далеко уйти ей не удастся – Сэм держит в руках поводья. Нелли дергается, у нее на спине гремят кастрюли. Один из узлов развязывается, сундук соскальзывает, крышка открывается. Из сундука вываливается рука. И часть того, что прежде было головой.

Ба отчасти провалился, отчасти размяк. Его тощие конечности сморщились и теперь походят на коричневые веревки. А его мягкие части – пах, живот, глаза – кишат зеленоватобелыми личинками. Мальчишки этого не видят, толком не видят. Они пускаются наутек, едва только появляется лицо. Только Люси и Сэм смотрят в четыре глаза. В конечном счете ведь он – их. И Люси думает: что ж, его лицо теперь не хуже, чем в десятке других искажений – чудовищных в своем опьянении или ярости. Она подходит вплотную к лошади, чувствуя спиной тяжесть взгляда Сэм. Осторожно освобождает сундук от удерживающих его ремней, заталкивает тело внутрь.

Но Люси не забудет.

Лицо ба напоминает ей не столько о пьянстве и ярости, сколько о том случае, когда она увидела его плачущим и не осмелилась подойти – скорбь настолько размягчила его чер-

ты, что она боялась, как бы ее прикосновение не растворило его плоть полностью, обнажив череп. И вот она видит череп – теперь этот проблеск обнажившейся кости вовсе не так уж и страшен. Она захлопывает крышку, перевязывает ремни. Поворачивается.

– Сэм, – говорит она, и в этот момент, когда перед ее глазами еще стоит лицо ба, она видит, как точно так же размягчается лицо Сэм.

– Что? – говорит Сэм.

Люси вспоминает (и нежность накатывает на нее) то, что, как казалось ей, умерло вместе с ма.

– Ты была права. Мне следовало послушать тебя. Мы должны его похоронить.

Раньше она думала, что не сможет выдержать такого зрелища, но сегодня она его вынесла, тогда как мальчишки струсили. Они убежали, и теперь этот образ будет преследовать их до конца дней. Для нее же, не отвернувшейся, кошмары, возможно, окончатся. Она чувствует захлестывающую ее волну благодарности к Сэм.

– Я целилась мимо, – говорит Сэм. – В банкира. Я его только напугать хотела.

Люси смотрит сверху вниз, всегда сверху вниз на блестящее от пота лицо Сэм. Лицо коричневое, как земля, и такое же пластичное; лицо, на котором эмоции проявляются с такой легкостью, что Люси даже завидует сестре. Эмоций много, но ни капли страха. Но теперь страх есть. Впервые в

жизни она видит себя, отраженную в сестре. И это, понимает Люси, ее момент мужества – в большей степени, чем когда она становилась объектом издевок на школьном дворе или чувствовала упершееся в спину холодное дуло револьвера. Она закрывает глаза. Садится, прячет лицо за сомкнутыми руками. Она решает, что сейчас правильно – молчать.

Тень охлаждает ее. Она скорее чувствует, чем видит, как наклоняется Сэм, медлит, тоже садится.

– Нам по-прежнему нужны два серебряных доллара, – говорит Сэм.

Нелли жует траву. Теперь, когда груз сняли с ее спины, она успокоилась. Вскоре он вернется, но пока она спокойна. Люси тянется к руке Сэм. Она натывается на что-то жесткое в земле – это брошенный мальчишками заплечный мешок. Люси медленно поднимает его. Вспоминает, какой раздался лязг, когда мешок задел ее. Запускает внутрь руку.

– Сэм.

Кусок солонины, то ли расплавившийся на жаре сыр, то ли топленый свиной жир. Леденцы. А в самом низу – завязанные в ткань монетки, спрятанные, но от нее не спрячешь, ведь ее пальцы знают, где искать, она же дочка старателя, ее отец говорил: «Слушай меня, девочка Люси, ты просто чувствуешь, где оно зарыто. Просто чувствуешь». Она прикасается к монетам. Медные центы. Пятицентовики с вытравленными на них животными. И серебряные доллары, чтобы положить на два белых, жидких глаза, закрыть их правильно,

отправить душу на последний покой.

Слива

Правила захоронения мертвецов установила ма.

Первым мертвецом Люси была змея. В пять лет она, обу-реваемая жадной разрушения, топала по лужам – хотела увидеть всемирный потоп. Она подпрыгнула, приземлилась. Когда волны выплеснулись из берегов, она оказалась в промоине без воды. На дне, свернувшись спиралью, лежала уто-нувшая черная змея.

От влажной почвы исходил едкий запах. Почки на дере-вьях трескались, обнажая свое бледное нутро. Люси побежа-ла домой, держа чешуйчатого мертвеца в руках, чувствуя, что мир раскрылся перед ней своей невидимой прежде сто-роной.

Ма улыбнулась, увидев ее. Она продолжала улыбаться, ко-гда Люси разжала пальцы.

Позднее, слишком поздно, Люси подумала о том, как бы могла отреагировать другая мать – вскрикнуть, отругать, упасть в обморок. Подумала о том, что ба, будь он дома, ве-роятно, сказал бы, что змея спит, и стал бы плести небылицы, чтобы выгнать безмолвие смерти прямо в окно.

А ма только приподняла тяжелую сковородку со свини-ной, туже завязала на себе передник и сказала: «Девочка Лю-си, еще один рецепт – похоронное *чжи ши*⁸».

⁸ Знание (кит.).

Люси подготовила змею, пока мама делала мясо.

Первое правило – серебро. «Чтобы уgomонить духа», – сказала ма, срезая жир с куска свинины. Она отправила Люси за сундуком. Под тяжелой крышкой, среди особенного запаха, между слоями ткани и сушеных трав Люси нашла серебряный наперсток достаточного размера для змеиной головы.

Второе – проточная вода. «Для очищения духа», – сказала ма, омывая мясо в ведерке. Ее длинные пальцы выковыривали личинки. Рядом с ней Люси погрузила в воду тело змеи.

Третье – дом. «Самое главное из всех правил», – сказала ма, а ее нож тем временем отсек хрящ. Серебро и вода могут закупорить дух на какое-то время, не дать ему потускнеть. Но окончательную безопасность духу дает только дом. Дом, который не позволит ему вернуться, – ведь не нашедшие покоя духи время от времени возвращаются, словно какая-нибудь перелетная птица. «Люси? – сказала ма, и нож замер в ее руке. – Ты знаешь куда?»

Лицо Люси потеплело, словно ма задала ей арифметическую задачку, каких они еще не проходили.

«Домой», – снова сказал ма, и Люси повторила, пожевав губу. Наконец ма взяла ее лицо в ладони, теплые, скользкие и пахнувшие мясом.

«*Фан синь*⁹, – проговорила ма. Она сказала, что Люси должна дать свободу своему сердцу. – Это нетрудно. Змея

⁹ Расслабься, успокойся (кит.).

принадлежит своей норе. Понимаешь?» Ма сказала, чтобы Люси забыла о похоронах. Сказала, чтобы Люси побежала куда-нибудь поиграть.

Они бегут, как сказала им ма, но на сей раз это не похоже на игру.

* * *

Столько лет прошло, а Люси так еще и не может осознать, что такое эта штука, которая называется дом. Как бы ма ни хвалила ее сообразительность, во всех важных делах она настоящая тупица. В отсутствие ответов она может только писать. «Н» – когда слышен шорох желтой травы. «О» – когда она чувствует жесткие стебли под ногами. «М» – когда она порезала палец на ноге и смотрит на удлиняющуюся точку крови. «Е» – когда она спешит вверх по склону следующего холма вдогонку за Сэм и Нелли, исчезающими за гребнем¹⁰.

Что такое дом, если ба не жилось на одном месте? Он хотел разбогатеть одним яростным наскоком и всю жизнь гнал свою семью в спину, как штормовой ветер. Всегда к чему-то более новому. Дикому. Обещавшему неожиданное богатство и лоск. Годами искал он золото, ловил слухи о ничейной земле, нетронутых жилах. И всегда, прибыв на место, они нахо-

¹⁰ Прописные буквы образуют английское слово HOME – «дом».

дили все те же погубленные раскопанные холмы, те же замусоренные ручьи. Старательство – в той же мере воля случая, что и везение в игорных притонах, куда время от времени наведывался ба в поисках неизменно ускользавшей от него удачи. Даже когда ма топнула ногой и потребовала, чтобы они начали жить, честно зарабатывая на угле, мало что изменилось. От одной угольной шахты к другой пересекал их фургон холмы, словно палец, соскабливающий остатки сахара со стенок бочонка. Каждая новая шахта привлекала мужчин обещанием высоких заработков, но с появлением новых работников высокие заработки падали. И семья перебиралась на новую шахту, а потом – на следующую. Накопленное то увеличивалось, то уменьшалось с неизбежностью смены времен года, перехода от влажного сезона к засушливому, от жаркого к холодному. Что такое дом, если они так часто переезжали в хибарки и палатки, в которых пахло чужим потом? Люси не могла понять, как ей найти дом для человека, которого она не могла понять.

Впереди идет Сэм, младшая из них, но более любимая. Сэм ведет их в глубь материка, на восток через холмы. Они находят фургонную колею, по которой когда-то вчетвером приехали в городок, здесь земля утоптана шахтерами, старателями и индейцами, пришедшими сюда до них, а если верить ба, то еще и давно вымершими бизонами. Но вскоре Сэм сворачивает, шагает в своих ковбойских ботинках по нетронутой траве, через заросли бакхариса, чертополоха и

хлесткого тростника.

Их шаги оставляют за собой новый, не столь четкий след. Узкий и незаметный, невидимый для преследователей. Ба говорил, что узнал о таких тропинках у индейцев, с которыми торговал близ города. Люси думала, что это пустое бахвальство. Ба не показывал эти тропинки так, как показывал шрам на своей больной ноге, оставленный, если верить его клятвам, тигром.

По крайней мере, он не показывал эти тропинки Люси.

Они идут близ высохшего русла. Люси шагает, опустив голову, надеясь, что русло наполнится до того, как иссякнут их запасы. Из-за этого она почти пропускает первые кости бизона.

Скелет возвышается над землей, как огромный белый остров. Вокруг скелета тишина становится гуще – может быть, примолкла поникшая трава. Дыхание Сэм сбивается, она чуть не рыдает.

Они видели отдельные кости бизонов вдоль фургонной колеи, но никогда – скелет целиком. С тех давних времен, когда сюда пришли первые землепроходцы, здесь мелькали дубинки и ножи, процветали скука и нужда, бралось то, что легко найти, а потом использовать как топливо для костра, или шест для палатки, или болванку, чтобы стругать от нечего делать. Этот скелет нетронутый. Сверкают глазницы – игра света и тени. Сэм могла бы пройти через грудную клетку, не пригибаясь.

Люси воображает эти кости облаченными в шкуру и плоть, животное на своих ногах. Ба заявлял, что когда-то этих гигантов было не счесть на холмах, в горах и в долинах за ними. Ростом в три человека и в то же время такие бо-язливые, что представить невозможно. «Настоящая бизонья река», – говорил ба. Люси позволяет этому древнему образу заполнить ее сознание.

Они привыкают к костям, но почти не видят живых существ, кроме мух, сопровождающих сундук. Один раз они видят вдалеке кого-то похожего на индейскую женщину, которая машет им. Сэм замирает выжидая, тело ее пробирает дрожь, женщина поднимает руку, к ней подбегают два ребенка. Небольшое племя уходит в полном составе. Русло остается сухим. Люси и Сэм время от времени прихлебывают из бутылок, присаживаются отдохнуть с подветренной теневой стороны каждого холма. Всегда есть следующий холм, а за ним еще один. Всегда солнце. Украденная ими провизия на исходе. Потом они едят на завтрак и обед лошадиный овес. Они слизывают влагу с гладких камушков, жуют сухие стебли, размягчая их.

Но самое главное, Люси подавляет жажду получить ответы на свои вопросы.

План Сэм исходит из одного: ба любил простор. Дикие места. Но насколько дикие? И насколько удаленные? Люси не отваживается спросить. Револьвер тяжело висит на бедре Сэм, отчего она чуть прихрамывает, становясь немного по-

хожей в этом на отца. Со дня смерти ма Сэм отказалась от длинных волос, отказалась от платьев, от головного убора. Солнце так иссушило ее, что она стала как трут, готовый загореться от любой искры. Здесь нечем погасить огонь Сэм.

Только ба и умел влиять на нее. «Где моя девочка?» – говорил ба, оглядывая хибарку в конце дня. Сэм сидела тихо, спрятавшись, а ба искал, они играли в игру, которая принадлежала только им. Наконец ба ревел: «Где мой мальчик?» Сэм выпрыгивала. «Вот он я». Ба принимался щекотать Сэм, пока у той слезы не начинали течь из глаз. Кроме таких случаев, Сэм никогда не плакала.

* * *

На пятый день в сухом русле появляется слабый ручеек. Вода. Серебро. Люси оглядывается: ничего, кроме гнета холмов. Безусловно, место достаточно дикое, чтобы похоронить ба.

– Здесь? – спрашивает Люси.

– Не годится, – говорит Сэм.

– Здесь? – снова спрашивает Люси через несколько миль пути.

– Здесь?

– Здесь?

– Здесь?

Трава шуршит ей в ответ. Холмы перекатываются один в

другой. На востоке горы подернуты голубой дымкой. «Н», – думает она на ходу. «О». «М». «Е». Голова у нее раскалывается от жары и голода, и нет урока яснее. Они целую неделю бредут, как духи, о которых предупреждала ма, а потом падает палец.

* * *

Он появляется в траве, похожий на коричневую саранчу-переростка. Сэм отошла в сторону пописать – она пользуется любым предлогом, чтобы отойти подальше от мух и вони. Люси наклоняется, чтобы получше разглядеть насекомое. Оно не двигается.

Сухой крючок, согнутый в двух местах. Средний палец ба. Люси принимается громко звать Сэм. Мысль, резкая, как удар по лицу, осеняет ее: если палец потерялся, то рука никак не может отвешивать пощечины. Она делает вдох и распахивает крышку сундука.

Нелли нервно переступает ногами, когда изнутри обвинительно вываливается рука ба. Люси чувствует рвотный позыв, подавляет его. У руки отсутствует не один, а два пальца, две обнаженные кости смотрят на мир, словно слепые глаза.

Люси отходит дальше и дальше, ищет в траве, наконец Нелли и сундук пропадают из виду. И тогда она поднимает взгляд.

Ба научил ее этому трюку, когда Люси было три или четы-

ре года. Она заигралась и потеряла фургон из вида. Огромная крышка неба придавила ее. Бесконечное волнение травы. Она не походила на Сэм, которая от рождения была отважной, все время гуляла сама по себе. Она заплакала. Найдя Люси несколько часов спустя, ба встряхнул ее. Потом сказал, чтобы она посмотрела вверх.

Если простоять некоторое время под открытым небом в этих краях, то случится нечто странное. Поначалу облака бродят бесцельно. Потом они начинают поворачиваться, образуют воронку, которая надвигается на тебя, стоящую в ее центре. Простоишь так достаточно долго и поймешь, что это не холмы сжимаются, это ты растешь. Ты словно можешь сделать шаг и дотянуться до голубых гор вдали, если тебе хочется. Ты словно становишься гигантом, хозяином земель вокруг.

«Если потеряешься еще раз, вспомни, что ты принадлежишь этой земле, как и любой другой, – сказал ба. – И не бойсь этого. *Тин во¹¹?*»

Люси решает прекратить поиски. Палец мог выпасть за несколько миль до этого места, и теперь он неотличим от костей зайца, тигра или шакала. Эта мысль придает ей смелости. Она возвращается к сундуку, берет руку ба.

При жизни рука ба была огромной и несдержанной, и для Люси прикоснуться к ней было все равно что прикоснуться к гремучей змее. В смерти его рука сморщенная, влажная.

¹¹ Здесь: Слышишь меня? (*кит.*)

Его рука почти не противится. Люси заталкивает ее, липкую, мягкую, внутрь. Несколько хлопков, словно горят сухие прутья. Когда Люси отходит от сундука, руки ба с отсутствующими пальцами не видно.

Она моется в ручье, думая о пальце, который еще лежит у нее в кармане. Теперь ей опять кажется, что он похож на насекомое. Коготь. Прутик. Чтобы проверить, она роняет его на землю. Собачью какашку.

Трава колышется, сообщая о возвращении Сэм, и Люси ставит на палец босую ногу.

Сэм, мурлыча себе под нос, пересекает ручей, одной рукой затягивая шнурок на штанах. Небольшая часть серого камня выглядывает из-за пояса. Остальной камень – удлиненной формы – скрыт под тканью.

Сэм останавливается.

– Я просто... – говорит Люси. – Я просто пить захотела. Нелли там, на месте. Я просто...

Люси смотрит на штаны Сэм, Сэм смотрит на выставленную ногу Люси. Их секреты так плохо скрыты. В течение нескольких мгновений кажется, что одна из них задаст вопрос, за которым может толпиться десяток ответов.

Наконец Сэм спешит дальше. Раздается громкий хруст: Сэм выдергивает траву, расчищая пространство для костра. Люси разворачивается, чтобы помочь ей, втоптывает в почву палец. Сухой земле, такой, как эта, требуется удобрение. Она давит еще сильнее, набрасывает землю сверху. Сильно

ударяет по холмику пяткой. Ма предупредила ее, что такие вещи могут привести к появлению призраков, но, с другой стороны, что может один палец? У пальца нет ни ладони, ни предплечья, чтобы ударить, нет плеча, чтобы размахнуться, нет тела, чтобы придать силу удару. «Вот это правильно», – сказал ба, когда Люси смотрела из другого угла комнаты, как ба обучает Сэм замахиваться.

* * *

Той ночью Люси перемешивает овес одной рукой – ту руку, которой она прикасалась к ба, она прижимает к своему боку. Ощущение липкости не отпускает ее. И словно одна услышанная вполуха мелодия вызывает воспоминание о другой: перед ее мысленным взором возникают пальцы ма. Как они стискивали ее руку в ночь, когда ма умерла.

Сэм говорит.

Ночь, только ночь извлекает слова из Сэм. Когда удлиняющиеся тени окрасили траву сперва в синеватый, а потом в черный цвет, Сэм рассказывает истории. На этот раз про замеченного на горизонте человека на спине бизона. В первую ночь, когда Сэм сказала про погоню, Люси не сомкнула глаз. Но никакие тигры не прыгали на нее, никакие шакалы на поводках, никакие вооруженные люди шерифа. Эти истории только для того, чтобы успокоить Сэм, как другого ребенка успокаивает любимое одеяло. По большей части Люси с бла-

годарностью слушает голос Сэм, хотя тот и обретаёт хвастливые нотки ба. Сегодня это сравнение не утешает.

– Это смешно, – обрывает ее Люси. – Никаких исторических свидетельств этого нет. – «Учительская брехня» – так с ухмылкой называл это ба. Люси нравится, как длинные слова отвлекают ее внимание от грязной руки. – В книгах написано, что бизоны в этих краях вымерли.

– Ба говорил, что истина, известная народу, не совпадает с тем, что написано в книгах.

По большей части Люси уступает. Но сегодня она говорит: – Ну, ты же не народ. – Хотя она видит только силуэт Сэм, но слышит, как та с хрустом перебирает костяшки пальцев. – Я хочу сказать, что ты еще не выросла. Мы ведь дети, правда? Нам нужны дом и еда. Но прежде всего нам нужно похоронить его. Уже прошло две недели, как он...

Сэм вскакивает, чтобы затоптать искру, выпрыгнувшую из костра. От ее огня занялся пучок травы. Им следовало очистить участок побольше, следовало потратить больше сил. Следовало, следовало. Каждое маленькое движение в последние дни приближает их к катастрофе – подмигивание звезды навеивает мысли о фонаре отряда преследователей, цокот копыт Нелли звучит как щелчок взводимого курка, и Люси с каждым днем теряет энергию, необходимую, чтобы оставаться настороже. Она настолько выпотрошена, что ее может унести ветер. «Пусть горят холмы», – думает она, глядя как Сэм, которая затаптывает пламя, которым зашлась

было трава, дольше и яростнее, чем это требуется. Сэм всегда находит какое-нибудь отвлечение, когда чувствует, что Люси собирается произнести то самое слово.

«Умер, – говорит про себя Люси. – Мертв, смерть, умер». Она раскладывает слова, воображая сундук ма в могиле. Земля падает на пряжки и дерево. Сначала горстями, потом полными лопатами – гулкий стук о крышку. У них есть серебро. У них есть вода. Что еще надо Сэм?

– Что делает дом домом? – спрашивает Люси, и Сэм впервые за несколько дней смотрит ей глаза в глаза и видит в них трехногую собаку.

В первый раз Люси увидела эту собаку на противоположном берегу озерца – она выбралась из ручья, вышедшего из берегов после грозы. Это случилось на следующий день после смерти ма, и за пространством стальной воды собака казалась белым пятном. Люси думала, что это призрак, пока та не побежала – ни один призрак не может так хромать. Красный обрубок задней ноги имел потрепанный вид. Собака хромала, как ба. Люси не бросилась за ней вдогонку. Она искала следы захоронения – места, где ба закопал ма.

На следующий день собака появилась снова, и Люси опять не смогла найти могилу. Собака появилась и на следующий день, ее искалеченное тело описывало в воздухе идеальные дуги. Собака появилась и на следующий день, и на следующий, и на следующий, когда Люси тщетно искала могилу, о которой отказывался говорить ба. Собака научилась ходить,

бегать, гоняться за опавшими листьями, а ба дома тем временем становился все более и более косолапым. Он разбивал пальцы на ногах, неправильно рассчитывал шаги, падал на скамью, на которой сидела Люси. Девочка, скамья, мужчина лежали на полу, сплетясь друг с другом. Люси, впервые после смерти ма, оказалась настолько близко с отцом, что почувствовала запах виски. Они пытались подняться и снова падали. Ба ударил ее и продолжал молотить, пока она не оказалась прижатой к стене с его кулаком на ее животе.

Люси день за днем все больше времени уделяла изучению собаки. Поражалась ее грациозности среди обломков. В тот день, когда Люси отказалась от дальнейших поисков, день, когда высохло озеро и долина лежала обнаженная без каких-либо признаков захоронения, собака подошла к ней. Вблизи ее глаза были карие и печальные. Вблизи она оказалась сухой.

Люси тайно покормила собаку за домом. Остатками того, что не доел ба, который главным образом пил. Она не боялась, что он узнает о ее поступке, мир ба сузился до внутреннего пространства бутылки, а мир Сэм – до пространства вокруг ба.

Потом наступил день, когда пьянство кончилось. Ба утром отправился на работу и удивил Люси по возвращении: в одной руке мука и свинина, в другой – виски. Сэм тащилась следом; руки Сэм, как и руки ба, были черны от угольной пыли. Чистые пальцы Люси прикасались только к остаткам

еды и собачьей морде.

«Правильное вознаграждение за день тяжелой работы», – сказал ба, взвешивая в руке бутылку. Он ударил собаку между глаз.

Собака рухнула, и Люси замерла. Она умела отличать настоящую гибель от притворства. И в самом деле: стоило ба отвернуться, как собака вскочила и понеслась прочь с куском свинины в пасти.

Люси не смогла сдержать улыбку, несмотря на предупредительную дрожь Сэм. Ба увидел. Что-то было посеяно в тот день в остатках материнского сада – урожай боли, горечи.

То было началом нового равновесия. Ба несколько дней подряд оставался трезвым настолько, что мог работать в угольной шахте. После нескольких глотков утром его руки твердо держали кайло. В дни выплаты жалованья он приходил домой в драчливом настроении, и его кулаки сразу же начинали работать в буйном ритме. Люси заучила необходимые действия со своей стороны: бесшумное, проворное исчезновение. Если ей удавалось уйти достаточно быстро, то кулаки ба почти не доставали ее. Сэм заучила действия, необходимые, чтобы втиснуться между ба и Люси, когда та-нец становился слишком агрессивным.

Как-то раз, когда ба упал после не достигшего цели удара, Люси спросила, не хочет ли он, чтобы она помогала ему и на шахте. Он рассмеялся ей в лицо. Она увидела щербину в его зубах, и это зрелище напугало ее сильнее любого удара. Ко-

гда он потерял зуб? Когда открылась дыра в этом близком ей человеке и почему она даже не заметила этого изменения? «Добывать уголь – дело мужское», – проговорил он. Сэм помогла ему подняться, Сэм, которая одевалась как мальчишка, и работала как мальчишка, и деньги получала как мальчишка. Сэм, на руках которой появились мозоли и ссадины, обладала достаточной силой, чтобы поддерживать тело ба.

Их семья тоже научилась перемещаться на трех ногах. А потом собака вернулась.

Как-то вечером ба позвал их за дом. Там они увидели, что он гладит заднюю часть собачьей спины, торчащую из бочонка со свиным жиром. Целая нога, обрубок и флаг хвоста между ними. Ба погладил хвост, потом отошел назад и со всей силы ударил по целой ноге.

– Что делает собаку собакой? – спросил ба. На этот раз, когда собака попыталась бежать, обе травмированные ноги волочились за ней, она могла только ползти. Ба присел и положил палец на колено Люси. – Это вопрос на сообразительность. Ты любишь такие, умная голова.

Он ущипнул Люси. Сэм подошла поближе, чтобы ба не смог завести руку назад для удара. Люси предлагала в ответ лай, кусачесть, преданность. Она отвечала, а щипки перемещались на икру.

– Я тебе скажу, – проговорил наконец ба. Он перестал ее щипать не потому, что трясло Люси, а потому что тряслась его собственная больная нога. – Собака трусливое существо.

Собаку делает собакой то, что она может бегать. Это – не собака. *Тин во.*

– Я не собака. Я тебе клянусь, ба, я не убегу.

– Ты знаешь, почему ушла твоя ма?

Люси вздрогнула. Даже Сэм вскрикнула. Но ба унес ответ с собой навсегда. Он отрицательно покачал головой. Он сказал Люси через плечо, словно даже ее вид вызывал у него отвращение:

– Семья прежде всего. Ты привела к нам вора, девочка Люси, и ты предала нас. Ты сама не лучше вора.

Забавно, но урок, преподанный ба, и в самом деле сплотил семью. «Что делает собаку собакой?» Сэм и Люси принялись обмениваться этими словами в виде шутки, загадки. Произнося их, они разделяли слова и обстоятельства, их породившие: холодный вечер, искалеченное существо. Когда ба прихрамывал домой и засыпал в корыте, когда искал ботинок, который сам же и выкинул в окно, они начинали перешептываться. «Что делает кровать кроватью? Что делает ботинок ботинком?» Смысл этих слов выхолащивался для них по мере того, как росли другие различия: между ростом Люси и ростом Сэм, между лачугой, где читала книги Люси, и большим миром открытых холмов и охотничьих угодий, которые познавала Сэм рядом с ба.

Этим вечером Сэм смотрит на Люси через пламя костра. Она наконец перестала топтать.

На мгновение у Люси просыпается надежда.

Но прежнее очарование слов сломано. Сэм уходит одна и исчезает в густой траве.

Какая же она была дура, когда думала, что смерть ба вернет ей Сэм. Думала, что шутки, которые Сэм разделяла с ба, игры, доверительные разговоры заполнят пустоту в ней, в Люси. Она думала даже, что они смогут поговорить о ма.

Сэм не приходит к костру той ночью, хотя Люси ждет ее несколько часов. Она наконец гасит костер, набрасывая на него земляной холмик выше, чем требуется. Обе руки у нее к концу дня покрыты коркой грязи. Она должна была это знать. Собака не может стоять на двух ногах, как и семья.

* * *

Кусочек за кусочком, шаг за шагом они расстаются с частичками себя. Голод изменяет их тела. Через две недели скулы Сэм торчат, как скалистые мысы. Через три недели Сэм вытягивается вверх, как стебель, и худеет. Миновали четыре недели, и теперь, после того как они разбивают очередную стоянку, Сэм уходит в одиночестве и возвращается когда с застреленным зайцем, когда с белкой; револьвер бьет по ее приобретающему взрослые очертания бедру.

Люси тоже охотится на свой манер, пока Сэм отсутствует. Ее охота больше напоминает промывку золотоносного песка. Она трясет сундук и собирает палец ноги, кусочек скальпа, зуб, еще один палец, и каждая часть захоранивается уда-

ром ноги по насыпанной сверху земле. Получив такой удар, ба, вероятно, должен чувствовать себя как дома. А если нет? Что делает призрак призраком? Она воображает дух пальца ноги, плывущий сзади в своем облаке мух. Каждые маленькие похороны бросают в ее пустоту горсть земли, наполняют на короткое время.

Потом наступает черед дней, когда ничто не выпадает из сундука. Безмолвные дни, когда они и словом не обмениваются. Люси трясет сундук с таким остервенением, что его содержимое гремит. Она покрывается потом к тому времени, когда оттуда выпадает кусочек. Он длинный, как палец, но толще. Мягче, со сморщенной кожей. Кости она не видит. Он мнется под ее ногой, как засохшая слива.

Она понимает.

Покрытое грязью и сморщенное, оно ничуть не похоже на то, что она случайно увидела вечером того дня, когда ба похоронил ма. Когда он вернулся с озера, с его одежды капала, стекала вода. Вскоре он разделся, остался в одних трусах. Он потянулся за своей бутылкой, и Люси увидела мелькнувшую плоть под тонкой тканью трусов. Станный и тяжелый фрукт темно-фиолетового цвета.

Что делает мужчину мужчиной? Те части, которые ба и Сэм считали такими дорогими, и тогда не производили на Люси особого впечатления. На этот раз она два раза ударяет пяткой по могильному холмику.

Соль

Потом наступает ночь, когда Нелли чуть не убегает.

Люси так никогда и не узнает, как именно это случилось, но ей нравится думать, что этот побег начался, как и многие другие: в глухой ночи. В то время, которое до сих пор называют часом волка. Десятилетия назад, еще до истребления бизонов и тигров, которые бизонами кормились и вымерли, когда тех не стало, одинокая лошадь на этих холмах дрожала бы от страха перед голодными хищниками. Хотя тигров теперь нет, Нелли дрожит, как ее предки. Она умнее многих людей, как заявлял ее хозяин. Она знает, что есть вещи более опасные, чем любая живая угроза. Например, эта штука, что привязана к ее спине, эта мертвечина, которую она не может стряхнуть с себя. Нелли дожидается того часа, когда звезды начинают глядеть с небес сквозь свои смотровые глазки, а два человека забываются сном. И тогда она начинает копать.

Нелли копает в час волка, змеи, совы, летучей мыши, кро-та, ласточки. В час, когда земляные черви начинают шевелиться в своих норах, Люси и Сэм просыпаются под стук копыт о кол, к которому привязана Нелли.

Сэм реагирует быстрее. В четыре прыжка она догоняет Нелли и хватает поводья одной рукой. Другой рукой она ударяет Нелли. Бьет сильно.

Кобыла только храпит, но этот звук вызывает у Люси вос-

поминания о других ударах других рук по другим частям тела. Она становится между сестрой и кобылой. Рука Сэм замирает в воздухе. И только потом, когда шея Сэм расслабляется, Люси признается себе, что не знала, остановится Сэм или нет.

– Она пыталась убежать, – говорит Сэм, не опуская руки.

– Ты ее напугала.

– Она предатель. Она бы убежала вместе с ба.

– У нее тоже есть чувства. Она...

– Умнее большинства людей, – издевательски произносит Сэм, понижая голос, чтобы он звучал, как голос учителя Ли. Получается довольно убедительно. Отвечает новому, исхудавшему лицу Сэм. Они обе замолкают. Когда Сэм начинает через некоторое время говорить, она все еще делает это чужим голосом – не вполне мужским, но и не вполне голосом Сэм. – Если Нелли так умна, то она должна знать, что такое верность. Если она так умна, то может и принять наказание.

– Она устала от этого груза. Я тоже устала. А ты – разве нет?

– Ба не отступил бы, сославшись на усталость.

Может быть, в этом и заключалась проблема ба. Может быть, ему следовало бы примириться с тем, что у них есть, перед тем как умереть грязным в своей постели, не имея ни единой чистой рубашки. Люси прижимает руку к своей горячей голове, слыша гудение в ней. Странные мысли поселились в пустых пространствах Люси. Иногда ей кажется, что

сам ветер нашептывает ей по ночам какие-то идеи.

– Позволим ей отдохнуть немного, – говорит Люси. – В любом случае конец пути уже близок. – Она оглядывает холмы. Ни одной живой души не видели они с тех пор, как повстречали двух мальчишек на пересечении дорог месяц назад. Она должна задать этот вопрос если не ради Нелли, то ради себя самой: – Ведь верно?

Сэм пожимает плечами.

– Сэм?

Еще одно пожатие плечами. На сей раз Люси воспринимает смягчение линии плеч Сэм как сомнение.

– Если мы не остановимся, – говорит Сэм, – то, может, найдем место получше.

«Новое место может быть получше», – говорил ба каждый раз, когда они собирали вещи, чтобы отправиться на новую шахту. Но «лучше» никогда не наступало.

– Ты сама не знаешь, куда идешь, – говорит Люси.

А потом неожиданно начинает смеяться. Она не смеялась с тех пор, как умер ба. И это не ее натужные «ха-ха» – из нее вырывается нечто саднящее и мучительное. Если Сэм собирается следовать мечте ба о диком месте, то они всю жизнь проведут в пути. Может быть, Сэм именно этого и хочет: чтобы они всю жизнь тащили на себе ба.

– Не валяй дурака, – говорит Люси, сумев перевести дыхание. – Мы уже больше не можем.

– Могли бы, будь ты посильнее.

Это слова ба, и Сэм снова замахивается, чтобы ударить Нелли.

Люси хватается Сэм за руку. Это прикосновение – как шок, запястья Сэм такие тонкие и хрупкие, несмотря на всю ее непримиримость. Сэм выдерживает руку, Люси теряет равновесие, выкидывает вперед руку, чтобы не упасть, и царапает ногтями щеку Сэм.

Сэм отшатывается. Сэм никогда прежде не пасовала – ни перед мальчишками с их камнями, ни перед ба в самом его пьяном виде. Да и с чего бы ей пасовать? Ба никогда не пытался ударить Сэм – он бил только Люси. Утренний свет стал уже резок, обвиняющие глаза Сэм широко распахнуты, как солнца-двойняшки.

Люси, по природе трусиха, бросается наутек. Удары за ее спиной возобновляются.

Она карабкается по склону самого высокого холма, какой ей удастся найти, страждущие растения цепляются за подол ее платья, которое стало теперь слишком коротким и выцвело за время пути. Трава настолько высохла, что царапает ее до крови, разрисовывая ее ноги замысловатым узором. На вершине она подтягивает колени к груди. Просовывает между ними голову, зажимает уши ладонями. «*Тин лэ?*¹²» – спрашивала ма, закрыв уши Люси руками. Тишину в первое мгновение. Потом биение и шум собственной крови Люси. «Это внутри тебя. Оттуда, откуда ты. Это звук океана».

¹² Слышишь? (кит.)

Соленая вода, яд для тех, кто ее пьет. В исторической книге учителя Ли земля заканчивается у океана, который ограничивает западную территорию. Дальше – пустая голубизна, морские чудовища, нарисованные между волнами. «Неизвестные дикари», – говорил учитель, и Люси взволновалась оттого, что ма говорит о море с такой страстью.

Люси впервые понимает это желание уйти куда подальше от той жизни, которую она знала. Когда они покинули город, она надеялась, что ярость Сэм останется позади. Но ярость живет и в Люси.

– Прости, – говорит Люси, обращаясь теперь к ма.

Она не заботилась о Сэм так, как ее просила ма. Она не знает, по силам ли ей это. И Люси наконец позволяет себе заплакать, потому что Сэм отсутствует и не увидит эту слабость сестры. Она слизывает слезы на ходу. Соль дорога, соли много лет не было на их столе. Она плачет, пока ее язык не начинает засыхать. Она берет в рот травинку, чтобы отделаться от неприятного вкуса во рту.

У травы тоже вкус океана.

Второй стебелек оказывается таким же соленым. Люси останавливается. Смотрит за гребень холма. Видит белый проблеск.

Она идет, пока не оказывается на краю громадного белого диска, который хрустит под ее ногами, обжигает ее царапины. Разгар засушливого сезона, и повсюду на холмах исчезают неглубокие озерца и ручьи. Здесь исчезло целое озеро,

оставив после себя солончак.

Люси стоит достаточно долго, чтобы собрались облака и мир начал вращаться вокруг нее. Она думает о сливах – мать засаливала их, благодаря чему они сохранялись дольше. Она думает о ба, который засаливал свою добычу. О соли, которая поедает железо. О соли на открытой ране, об очищающем ожоге. Соль для очищения и соль для спасения. Соль на столе богача каждый день, добавка, которой отмечают окончание недели. Соль, сморщивающая плоть плода и мяса, изменяющая их, позволяющая выиграть время.

* * *

Когда Люси начинает спускаться, солнце висит низко. Лицо Сэм в пятнах, но не из-за теней. Сэм неистовствует, но за ее неистовством – страх. Что здесь, в этой пустоте, могло напугать Сэм?

– Ты ушла, – со злостью бросает Сэм между цепочками ругательств.

И Люси понимает. Она нарушила негласный контракт между ними. Это Сэм всегда гуляет где хочет, а Люси сидит в ожидании. Сэм никогда не остается одна.

Люси начинает говорить, ласково говорить, как говорила бы с перепуганной лошастью. О соли и свинине, оленине и бельчатине, но Сэм не соглашается. Кричит громче.

– Это будет означать, что мы сможем продолжить поис-

ки, – говорит Люси. – Нелли не так крепка, как ты. – Она делает паузу. – И я тоже не так крепка.

Это успокаивает Сэм. Но убеждает ее ветер, который заполняет собой пространство между ними, неся с собой мух и запах ба. Сестры бледнеют. И, когда Люси говорит, что некоторые индейские племена именно так чтили своих воинов, Сэм наконец сдается.

Имеет ли значение, что они достигли согласия, основываясь на лжи?

Они впервые за все это время развязывают веревки на спине Нелли. Получившая свободу кобыла катается в траве, оставляя черную массу раздавленных мух.

Что делает мужчину мужчиной? Они переворачивают сундук. Неужели это лицо, которое показывают миру? Руки и ступни, чтобы придавать этому миру форму? Две ноги, чтобы ходить по нему? Сердце, чтобы биться, зубы и язык, чтобы петь? Но у ба мало что осталось от этого. Он принял форму сундука, как тушеное мясо, которое приобретает форму горшка. Люси приходилось солить мясо, которое уже позеленело по краям, и мясо, которое в течение многих дней пребывало в замороженном состоянии. Но ничего подобного тому, что она видела теперь перед собой.

* * *

Сэм бегом приближается к солончаку. К вечеру впечат-

ление такое, будто на землю упала огромная белая луна, оставив на небе малую, которая теперь неубедительно восходит. Трещина раскалывает поверхность, ее длина – два роста Сэм. Грохот, как при близком ударе грома. Люси поднимает голову на темное теперь небо. И конечно, облака начинают хоровод.

Она кладет лопату на плечо. Люси следует за Сэм, перепрыгивающей через препятствия, разглядывает белые глыбы. Несмотря на жару, кожа Люси покрывается пупырышками. Этот здешний ритм хорошо ей знаком. Рытьё. Жара. Даже грохот, похожий на смех зрелого мужчины. Люси поднимает глаза и видит, что Сэм оглядывается на нее.

– Это почти так же прекрасно, как золото, – соглашается Сэм. – Жаль, что он не видит.

* * *

Соль, рассыпанная по телу ба, похожа на пепел. Мухи разлетаются, спасаясь от неминуемой смерти, но личинки не могут сбежать. В своих предсмертных конвульсиях они очень похожи на маленькие белые язычки, свернувшиеся в крике.

Ба потребовалось четыре обжигающих дня, чтобы превратиться во что-то иное. Нелли получает достаточно времени, чтобы отдохнуть и наестся от пуза травы. Сэм с помощью лопаты переворачивает отдельные части тела, чтобы равномерно покрыть их солью. Время от времени Сэм разруба-

ет сустав, хрящ. С расстояния кажется, что в руках у Сэм огромная ложка.

«Похороны – это всего лишь еще один рецепт», – говорила ма.

* * *

Ба усыхает, становится меньше Люси, меньше Сэм. Они засовывают его в пустой заплечный мешок: пугающий цветочек его ребер, бабочку его таза, улыбку, прилипшую к его черепу. А также отрезки и комки, которые они не в состоянии идентифицировать, затвердевшие тайны, возможно, хранящие ответы на вопросы, которые Люси никогда не решалась задать. Почему он пил? Почему иногда казалось, что он плачет? Где он похоронил ма?

Они оставляют изгвазданный сундук. Когда-то ма пересекла с ним океан. Теперь это подарок мухам. Люси неожиданно испытывает укол сочувствия к этим мухам, которые преданно следовали за ними несколько недель, жужжали и спаривались, рожали молодняк. Бессчетное число жизней обитало в теле ба, щедрость такого рода он никогда не демонстрировал при жизни. Будь у Люси горсть серебра, она бы бросила ее в их рой.

Череп

Учитель Ли говорил, что Нелли самая быстрая из лошадей на территории в сотни миль, что она из той породы лошадей, которая гораздо старше, чем Западные территории. Он никогда не участвовал с ней в скачках. Говорил, что это было бы несправедливо по отношению к ковбойским пони.

Теперь они проверяют истинность этих слов. Первой садится Сэм, за ней – Люси. Они вдвоем и заплечный мешок с ба весят меньше, чем весил сундук. Нелли бьет копытами по земле, она рвется пуститься вскачь, несмотря на скудную травяную диету. Люси предполагает ответное нетерпение в Сэм.

Но Сэм вместо этого подается вперед и шепчет. Серые уши кобылы вывертываются назад, чуткие, как речь.

И тогда Сэм гикает.

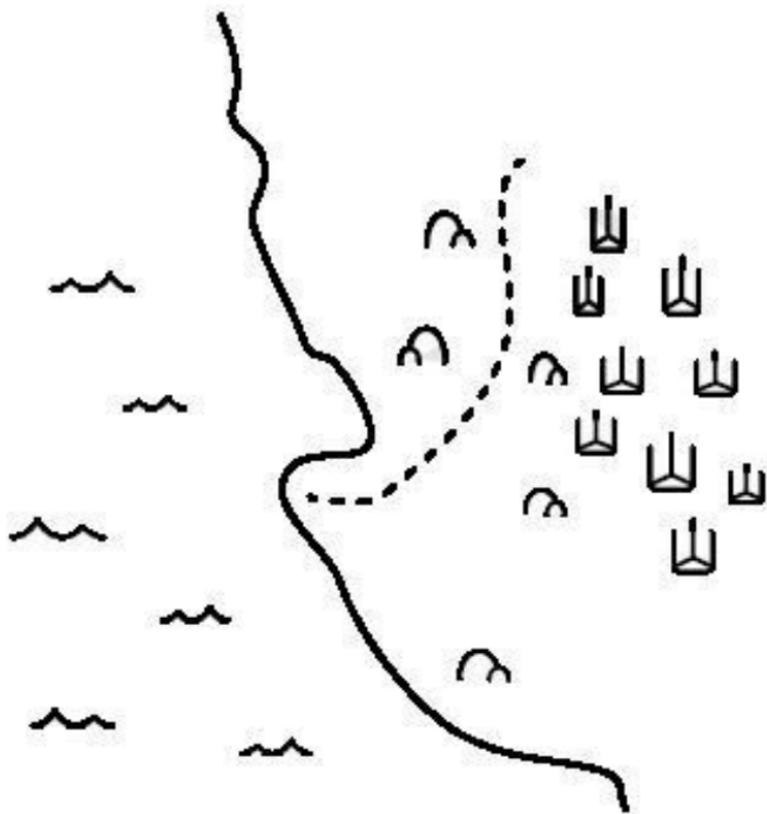
Нелли вся вытягивается в длину – ноги ее мелькают над травой, и они летят, визжит ветер, из горла Сэм вырывается звук, саднящий и восторженный одновременно, в нем и гордость ба, и хрипловатая досада ма, и что-то, принадлежащее самой Сэм, дикой, как зверь... и тут Люси понимает, что звук этот издает не одно горло. Ее горло – тоже.

Если этот звук наводит ужас, тем лучше.

* * *

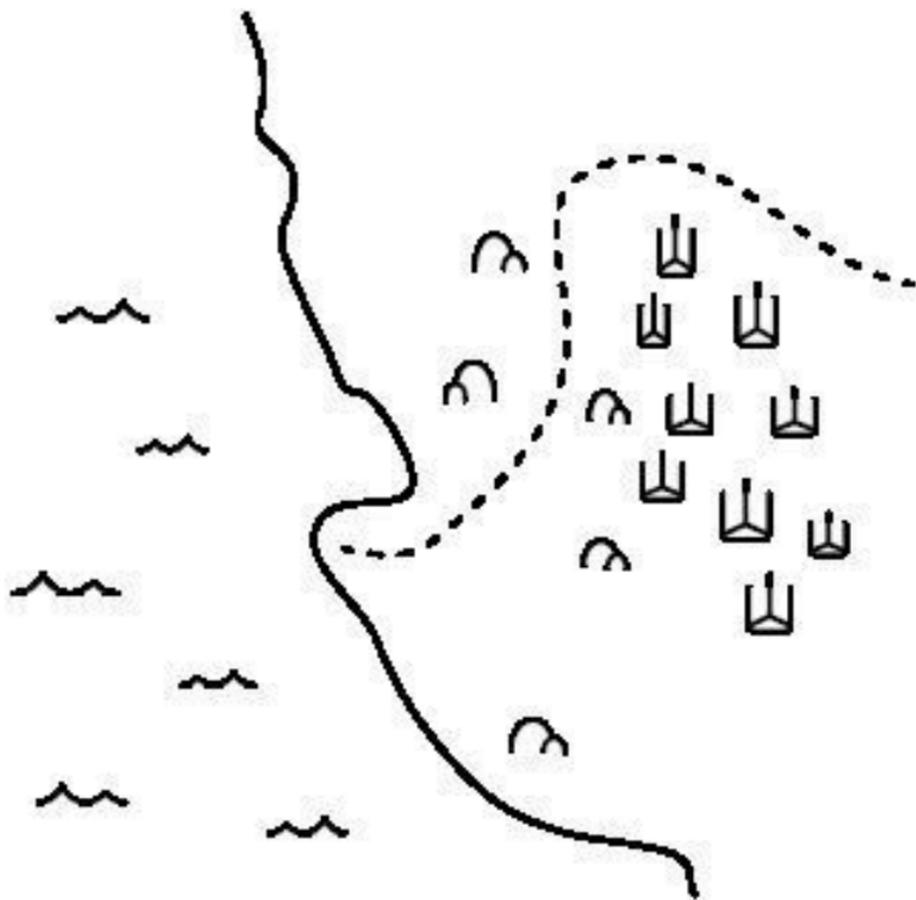
Путешественник в фургоне мог бы пересечь западную территорию за месяц. Основная тропа, с которой они свернули, начинается у океана на западе и упирается во внутриматериковые горы на востоке. Там тропа поворачивает на север, обходя гряды, пока та не сходит на нет. Дальше на восток тропа петляет по пологим долинам следующей территории. Четкая тропа, наезженная. Потеряв, ее легко найти, было бы желание. Но Сэм тем вечером чертит на земле, у нее другие планы.

– Так идут большинство людей, – говорит Сэм, чертя палкой на земле первый отрезок фургонной тропы. Сэм изображает горы так, как это делала ма: три пика вместе.

– А потом, – говорит Люси, тоже подбирая палку, – большинство людей идут дальше.

Она чертит следующий отрезок тропы, пересекающий соседнюю территорию.

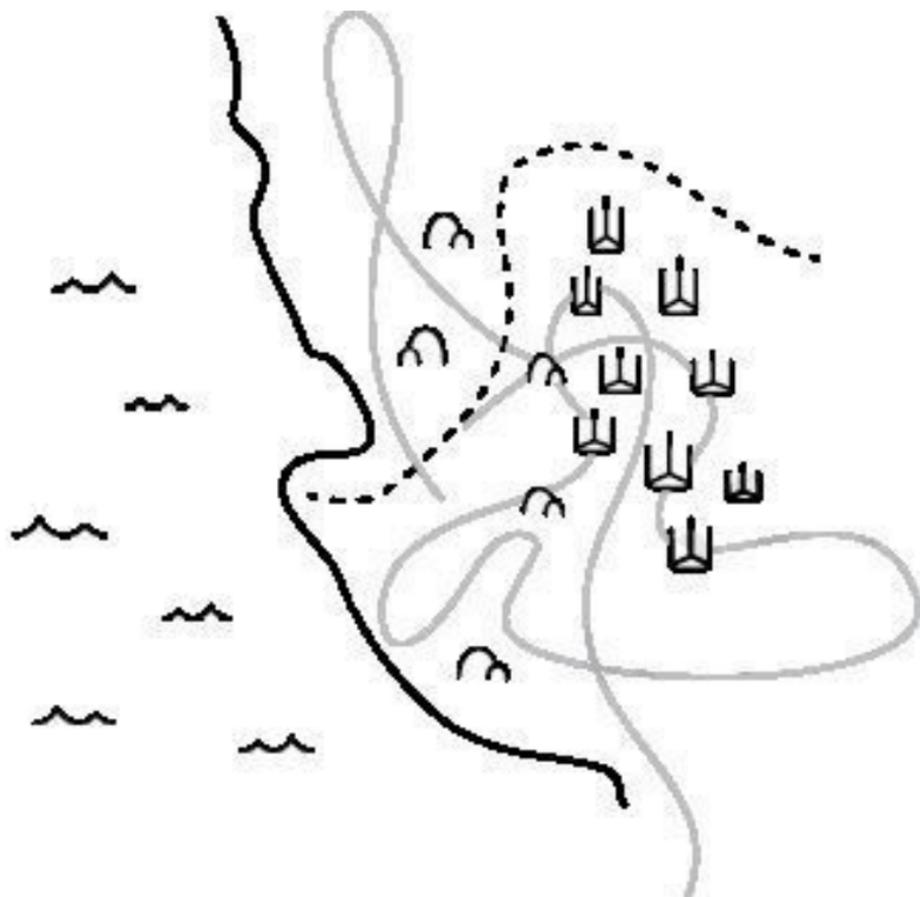

Сэм хмурится. Отводит палку Люси в сторону.

– Но сюда никто не идет. – Она берет палочку потоньше и рисует новую линию, которая отходит от фургонной тропы. – И сюда тоже. – Линия тянется прямо через горный перевал. – И сюда. – Теперь линия резко уходит в сторону, словно ее

оттолкнули. – И сюда.

Когда Сэм заканчивает, на карте остается извивающаяся змея тропы, которая петляет, описывает круги, прорезает горы, направляется на юг, спускается на север, склоняется к дальнему западному побережью.

Люси прищуривается. Новая линия Сэм, кажется, заканчивается там же, где начинается, – столько петель делает она на своем пути.

– Никто не пойдет такой дорогой. Это лишено всякого смысла.

– Вот именно. *Никто не пойдет*. Тут повсюду совершенно дикие места. – Сэм изучающе смотрит на Люси. – Ба говорил, здесь можно встретить бизонов.

– Это все сказки, Сэм. Бизоны вымерли.

– Ты читала об этом. Ты этого не знаешь.

– Никто не встречал бизонов в этих краях много лет.

– Ты сама сказала, мы можем еще поискать.

– Но не вечность же.

Линия Сэм подразумевает путешествие по самым гористым, нетронутым местам, путешествие, на которое уйдет не один месяц. А может быть, не один год.

– Ты обещала.

Сэм отворачивается. Красная ткань на ее спине выцветла, натянулась сильнее, чем когда они отправлялись в путь. Голый живот виден из-под полы рубашки – Сэм выросла. Необъяснимым образом в углу земляной карты образуется темное пятно, хотя палочка Сэм не двигается. Пятно расползается, плечи Сэм сотрясаются. Темное пятно пропитано влагой. Сэм... неужели Сэм плачет?

– Обещала, – повторяет Сэм, на этот раз тише.

Слова, которые она произносит до и после, не слышны.

Слышно только хлюпанье. А потом Люси слышит: «Он обещал, что не умрет».

Люси уже три года знала, что ба умирает. Только день, в который это случится, не был ей известен. Хотя ему и двадцати не стукнуло, когда он встретил ма, ее смерть состарила его. Он отказывался от еды и пил виски как воду. Его губы вросли в дубленое лицо, зубы расшатались, пошли пятнами, а глаза покраснели, потом пожелтели, потом эти цвета смешались в них, как в жирной говядине. Люси не очень удивилась, когда нашла его тело. Она к тому времени уже давно не горевала из-за того, что ба не выполнил своих обещаний.

Но Сэм видела это в ином свете. Ту малость нежности, что еще оставалась в нем, ба отдавал Сэм.

Люси знает: ничего они не найдут. Ни одного бизона. Истина об этих диких местах записана в книгах. Но Сэм верит всего двум источникам: ба и своим собственным глазам. Одного из этих источников больше нет. Другой очень скоро увидит пустые горы. Может быть, на это уйдет еще несколько недель, но Люси надеется, что еще немного – и Сэм согласится опустить ба в землю.

* * *

Со спины скачущей Нелли кажется, что холмы накатывают один на другой, как волны. Океан, о котором говорила ма, воплотившийся в желтой траве. Далекие горы приближают-

ся, и в один прекрасный день Люси видит: да они же вовсе не голубые. Зеленые кустарники и серые скалы, фиолетовые тени в глубинах хребтов.

Земля тоже обретает цвет. Ручьи расширяются. Рогоз, клайтония, пучки дикого чеснока и моркови. На холмах растительность не такая густая, как в долинах. Время от времени в тени роц трава загорается сочной зеленью.

Не подобное ли дикое место искал ба? Ощущение, что они могут исчезнуть в этой земле, удовлетворить стремление своих тел к чему-то вроде невидимости и прощения? Пустота внутри Люси сжимается по мере того, как сжимается она сама, становится такой ничтожной в сравнении с горами, с золотистым цветом, проникающим сквозь кроны зеленающих его несгибаемых дубов. Даже Сэм смягчается на ветру, у которого вкус не только жизни, но и смерти.

Как-то утром Люси просыпается под птичий щебет, и это не сон о прошлом, которое не отпускает ее. Это новое видение будущего, прилипчивое, как роса.

Были среди шахтерских жен такие, которые смотрели на восток и вздыхали: «Цивилизация». Эти жены происходили из тех плодородных долин, что по другую сторону гор, их выманили на запад письма от мужей-шахтеров. В письмах ничего не говорилось об угольной пыли. Жены приезжали в цветастых платьях, которые вскоре, как и их надежды, выцветали на жарком солнце.

«Нежные, – сетовал ба. – *Кань кань*¹³, они быстро поумирают». Он был прав. У них начинался кашель, и они сморщивались как цветки, брошенные в огонь. Вдовцы брали себе в жены крепких женщин, которые следили за делами и никогда не смотрели на восток.

Но Люси нравилось слушать и про соседнюю территорию, и ту, что за ней, и даже еще дальше на восток. Про эти равнины, где вода в изобилии, а зелень тянется во всех направлениях. В городах там тень деревьев и мощные дороги, дома из дерева и стекла. Где вместо засушливого и влажного сезонов – сезоны с именами, похожими на песню: «осень», «зима», «весна», «лето». В магазинах там одежда всяких цветов, конфеты всех видов. Корень слова «цивилизация» – «цивил», и он означает «воспитанный, культурный», и Люси воображает детишек, которые хорошо одеты, а говорят еще лучше, она воображает владельцев магазинов, которые улыбаются тебе, придерживают дверь, чтобы не хлопала, где всё – носовые платки, полы, слова – чистое. Новое место, где две девушки могут быть совершенно незаметными.

В самых сладких снах Люси, от которых она не хочет пробуждаться, она не бросает вызовов ни драконам, ни тиграм. Не находит золота. Она видит чудеса издалека, ее лицо незаметно в толпе. Когда она идет по длинной улице, ведущей к ее дому, никто не обращает на нее ни малейшего внимания.

¹³ Здесь: вот увидишь (*кит.*).

Неделю спустя они почти добрались до подножий гор, край неба к тому времени сгустился. Волчья луна, самая редкая. И после того, как заходит солнце и загораются звезды, света достаточно, потому что всходит луна. Серебряный свет не дает закрыться их глазам. Стебли травы, щетина кобыльей гривы, складки их одежды – все освещено.

Там, где кончается трава, свечение еще более яркое.

Они как две сомнамбулы поднимаются со своих одеял и идут. Задевают друг друга руками. Неужели Сэм потянулась к ней? Или они шагают теперь в ногу, потому что Сэм стала выше ростом?

Свет исходит из тигриного черепа.

Череп прекрасно сохранился. Скалится, как и при жизни. Этот череп попал сюда не случайно. Зверь умер в другом месте. Других костей рядом нет. Пустые глазницы обращены одна на восток, другая на север. Проследив направление взгляда черепа, Люси видит самый конец гор, где фургонная тропа сворачивает в равнины.

– Это... – говорит Люси, чувствуя, как участилось сердцебиение.

– Знак, – говорит Сэм.

По большей части Люси не понимает выражения темных глаз Сэм. Той ночью лунный свет насквозь пронзил Сэм, сде-

лал ее мысли ясными, как лезвия травы. Они стоят вместе, словно на пороге, вспоминая тигра, которого ма рисовала у дверей каждого их нового жилища. Тигр ма был не похож ни на одного другого тигра, каких видела Люси. Ряд из восьми линий, которые обретали очертания зверя, только если прищуриться. Шифр. Ма рисовала своего тигра для защиты от того, что может прийти к их дверям. И пела при этом *Лао ху, лао ху*¹⁴.

Ма рисовала своего тигра в каждом новом доме.

Песня дрожит в голове Люси, когда она прикасается к цельным зубам черепа. Угроза, а может быть, ухмылка. Каким словом кончалась эта песня? Обращением к тигру: *Лай*.

– Что делает дом домом? – говорит Люси.

Сэм смотрит на горы и *рычит*.

¹⁴ Тигр, тигр (*кит.*).

Ветер

Ветер скатывается по склонам, в воздухе новый запах. В ярком свете луны Сэм готовит место для похорон.

Она обкладывает тигра камнями по кругу. «Дом», – нарекает это место Сэм. С одной стороны круга находятся их кастрюля, сковородка, половник, нож и ложки. «Кухня», – нарекает это место Сэм. С другой стороны – их одеяла. «Спальня», – нарекает это место Сэм. По кромке втыкаются ветки. «Стены», – нарекает их Сэм. На ветках – плетеные коврики из травы. «Крыша», – нарекает их Сэм.

Сэм оставляет центр напоследок.

Когда она заканчивает, рассвет уже близко. Травяная крыша неровная и с дырами, в сковородке остались комья овсянки. Сэм плохая хозяйка, потому что у нее нет опыта. И тем не менее Сэм отвергает предложение помощи от Люси. Теперь Сэм подходит к тигриному черепу, она держит лопату наготове. Дрожит ли ее рука, когда она вонзает лопату в землю?

Сэм останавливается. Дрожь продолжается. Может быть, от недосыпания. Может, от чего-то другого. У Сэм высохшее лицо. Сэм смотрит на череп, словно ждет ответа.

Люси подходит к ней и берет за руку. Сегодня она не встречает возражений, когда укладывает Сэм, подтыкает под ее дрожащий подбородок одеяло. Торопиться теперь некуда.

Они похоронят его днем. А до этого времени, говорит Люси, она может посидеть рядом с Сэм, покараулить сестру.

* * *

И остальную часть ночи ветер задувает с какой-то особой яростью. Он сдувает дом Сэм, проникает под изодранное платье и одеяло Люси, через ее горло – в ее пустоты, отчего внутри у нее становится холодно. Ветер, раздающий пощечины. Порывы один за другим хлещут ее по щекам. Это означает, что приходит сезон дождей.

Впрочем, «приходит» – слишком сильно сказано, если это слово не имеет того значения, которое вкладывал в него ба, когда говорил «я приду сегодня вечером», а имел в виду следующее утро, следующий вечер, следующий понедельник, когда он приходил с отеками глазами, распространяя запах виски. Дожди приходят так же, как приходил и не приходил ба, – далекая, бродячая туча. Пока Сэм спит, ветер свистит так громко, что Люси может не тревожиться – уснуть он ей не даст. Ветер, не похожий на дневной ветер, ветер, как голос, низкий и ревуший в траве. *Ааааа*, говорит ветер. А иногда *Уууууу*. И иногда *ишшшш*, иногда *бен бэньдаааа-ань*. Люси не может поспорить с ветром или попросить его замолчать, а потому она делает то, что умеет: помалкивает. Она позволяет ветру молотить по ней, жалить ее глаза. Она позволяет ветру приносить дары из далеких краев. Увявшие

листья приносит он, длиннопалые, как руки. Измельченную землю, которая желтит ее волосы. Дары или предупреждения? Запах влаги и разложения. Скорлупу цикад, которую она на первый взгляд принимает за пальцы ног и рук, а на третий, четвертый и пятый – за призраки пальцев рук и ног. Призраки преследуют ее так же, как ветер, дующий ей в горло с мстительной силой, наполняющий ее уши словами, которые она не отважится вспомнить днем. *Aaaaa*, вскрикивает ветер, притявая на нее своим холодом. *Ээээр*, вскрикивает ветер. *Нюй ээээр*¹⁵. Ветер устремляется вверх по склону, и, пока Сэм спит, Люси сидит и слушает. Слушает. Слушает.

* * *

А потом наступает день.

В руках у Сэм лопата.

У Люси – половник.

«Еще один рецепт – похоронный *чжи ши*», – сказала ма.

– Готова? – спрашивает Сэм.

Трууднооо, говорит ветер.

А Люси говорит себе: «Помнишь? Как он учил нас искать золото. Помнишь? Как у него на запястьях были ожоги от масла. Помнишь? Его рассказы. Помнишь? Его ногти, обкусанные до самой кожи. Помнишь? Как он храпел, пьяный.

¹⁵ Нюй эр – Дочка (*кит.*).

Помнишь? Его седые волосы. Помнишь? Его хвастовство. Помнишь? Как он любил свинину с перцем. Помнишь? Его запах».

Они выкапывают ямку. Размером с пистолет. Они копают. Размером с мертвого младенца. Они копают. Размером с собаку. Они копают. Размером с девочку, которая хочет лечь и отдохнуть. Они копают, хотя есть уже место для заплечных мешков, двух, четырех. Они копают, и могила принимает форму той могилы, что внутри Люси, пустоты, наполненной запахом суглинка и утреннего дыхания. Они копают, пока солнце не начинает сползать по невидимым им сторонам холмов, пока оно не бросает тень на край могилы.

Труусишиха, печально завывает ветер.

Люси не собирается отвечать.

Сэм открывает мешок.

Ба выпадает кучей своих отдельных частей. Уложить их в каком-нибудь порядке невозможно. Почва, такая сухая и страждущая, сразу же начинает поглощать его. Он погружается. Куда он попадет? Упокоится ли во всеобщем мраке с костями ма, в могиле, которую Люси никогда не видела?

Сэм лезет в карман. На мгновение выпуклость кулака вызывает в памяти Люси выпуклость револьвера, который Сэм вытащила в банке. Они столько отдали за два эти кусочка серебра – она надеется, что это могила стоила воровства.

«Помнишь? Как он учил тебя ездить на лошади? Помнишь? Его ботинки, которые сохраняли форму его ноги.

Помнишь? Его запах, не когда он перестал мыться и не когда выпивал, а его прежний запах».

Но Люси все еще молчит. А Сэм не двигается. Сэм держит эти два кусочка серебра, и наконец Люси понимает: Сэм хочет, чтобы она ушла.

Как это случилось не раз, Люси оставляет Сэм и ба вдвоем и уходит. Она не видит, что происходит в самом конце между отцом и дочерью, отцом и лже-сыном.

Земля

Они спят. Не в могиле, а на мягком, рыхлом холмике над ней. Могила заполнена, притоптана, но они не в полной мере могут вернуть в нее ту землю, которая там находилась изначально. Впервые за два месяца с того дня, когда они бежали из городка, Люси спит глубоким сном. Без сновидений. Хотя она не помнит, как легла Сэм, утром она видит ее тело рядом, грязное и смердящее жизнью.

Влага приходила ночью, те далекие облака испускают сырое дыхание. Лицо Сэм в каплях пота. Грязь у них на коже сгустилась до консистенции земли. Когда Люси пытается очистить лицо Сэм, ее пальцы оставляют полосы даже еще более темные.

Она наклоняет голову, выставляет средний палец. Проводит еще полосу, параллельную первой.

Две тигриные полосы.

– Доброе утро, – говорит Люси черепу, который охраняет могилу. Он, конечно, не обращает на нее внимания, как не обращает внимания на Западные холмы, оставшиеся позади. Он смотрит туда, где горы кончаются. Этим утром, когда воздух предвещает новый сезон, Люси, кажется, может видеть дальше, чем прежде. Она прищуривается – и разве не вершину последней горы видит она? Прищуривается – и разве облака не напоминают кружево? Прищуривается – и

разве не видит она новое белое платье, широкие улицы и дом из дерева и стекла?

Люси прижимает пальцы к своему запястью. К бедрам. К щекам, шее, а к груди прижимает так, чтобы не затронуть угнездившуюся там новую боль. С виду она не похудела и не прибавила в весе, но внутри у нее что-то изменилось, угмонилось вместе с телом ба. Влага на ее потрескавшихся губах. Она улыбается, поначалу едва заметно, боясь разорвать сухую кожу. Потом шире. Облизывает губы.

В мир возвращается вода.

Тихонько, чтобы не разбудить Сэм, Люси двигается по стоянке – разбирает дом, сооруженный Сэм для похорон. Расплетает травяные коврики, кладет стебли на могилу, чтобы спрятать ее. Бросает камни назад в ручей. Она собирает ветки, засыпает землей оставшиеся после них отверстия. Укладывает вещи. Седлат Нелли.

К тому времени, когда Сэм садится и удивленно оглядывается, Люси уже возвращает могиле и земле вокруг нетронутый вид, как того и хотел ба.

– Просыпайся, соня. Нам пора в путь. – Люси отряхивает руки. – Новая чистая одежда. Бандана и трусы твоего размера. Новое платье для меня. – Она ухмыляется, глядя на Сэм, а та моргает тяжелыми веками. Люси смотрит на тигриный череп, показывает на него. Потом поднимает руку. Прищуривается в направлении вытянутой руки, словно целясь из ружья. Она целится в горизонт. – Когда мы пройдем за горы,

у нас будет куча времени на поиски нового дома.

А Сэм говорит:

– Мы уже дома.

Сэм встает. Идет на восток, как того хочет Люси. Но очень скоро Сэм останавливается. Ставит ногу на тигриный череп.

– Здесь, – говорит Сэм четким теперь голосом.

Одна нога у нее приподнята, голова откинута назад, руки на бедрах: Сэм не отдает себе отчета, какие ассоциации вызывает ее поза. В исторических книгах Люси была масса картинок победителей, стоявших именно так. За ними, на земле, очищенной от бизонов и индейцев, ветер треплет флаги.

Люси опускается на колени, пытается столкнуть ногу Сэм с черепа. Но Сэм стоит твердо. Она с отсутствующим видом постукивает подошвой.

– Шпоры! – говорит Люси. – В настоящем городе обязательно будут настоящие шпоры.

– Они не нужны мне для Нелли. Как не нужен нам и никакой старый город.

– Нам здесь не выжить. Тут ничего нет. Ни одного человека.

– А что для нас когда-либо делали люди? – Сэм проводит носком ботинка по зубам тигра. Мертвая пасть издает нездешнюю музыку. – Здесь тигры. Бизоны. Свобода.

– Мертвые тигры. Мертвые бизоны.

– Давным-давно, – начинает Сэм, и Люси понимает, что ей придется слушать.

Давным-давно эти холмы были голыми. И они еще не были холмами. Они были равнинами. Тогда не было солнца, только лед. Ничто не росло, пока сюда не пришли бизоны. Некоторые говорят, что они перешли через Западный океан по природному мосту, и этот мост разрушился под их весом.

Копыта бизонов вспахали землю, их дыхание растопило ее, в своих ртах они несли семена, а на спинах – птичьи гнезда. Их копыта оставили лощины для ручьев; там, где они падали на землю и перекатывались через спину, появились долины. Они распространились на восток, юг, через горы, равнины и лес. По всем территориям, а потому настало время, когда они прошли каждый дюйм этой земли, они становились крупнее с каждым поколением, вытягивались ввысь, заполняя открытое небо.

А потом, много времени спустя после индейцев, появились новые люди, они пришли с другой стороны. Эти люди вместо семян сеяли пули. Пули были маленькие, но они оттесняли бизонов все дальше и дальше, пока не согнали последнее стадо в долину неподалеку отсюда. В прелестную долину с глубокой рекой. Люди собирались огородить место, куда согнали бизонов, а не убивать их. Они хотели их приручить, смешать их со своей скотиной. Уменьшить в размерах.

Но, когда встало солнце, люди увидели, что холмы за ночь поднялись.

Эти холмы были телами тысяч бизонов, которые вошли в реку и утонули.

От этих холмов исходила такая вонь, что люди были вынуждены уйти. Даже после того, как птицы выклевали у бизонов все внутренности, река так и не возобновила своего тока, и то, что проросло между костей, не было прежней зеленой травой. Трава стала желтой, проклятой, сухой. Она не годилась для рассады. Никто не может правильно обосноваться на этих холмах, пока бизоны не решат вернуться.

Люси десятки раз слышала эту историю. Это была любимая история ба. Но учитель Ли смеялся и показывал в книге правду о последнем стаде бизонов, которые содержались на ранчо одного богача на востоке. Существа на рисунке не доставали до небес, как эти древние кости. Пленение уменьшило их до размеров кротких коров. «Выдумка чистой воды, – ворчал учитель. – Красивенькая маленькая легенда».

После этого, когда ба рассказывал какую-либо историю, Люси уже не видела ни бизонов, рассекающих траву широкими плечами, ни тигриных полос, крадущихся в ночи. Она видела только щербину в лживом рту ба в том месте, где

прежде был зуб.

– Как ты и говорила, – напоминает Люси, обращаясь к Сэм. – Это проклятая земля.

– А что, если мы не проклятые? Бизоны пересекли океан, как и мы. И тигр пометил ба как особенного.

– Ты не должна верить всему, что говорил ба. И кроме того, территория изменилась, цивилизовалась. Мы можем пойти тем же путем.

Тигриный рык сидит в горле Сэм. На сей раз Сэм этим звуком предупреждает Люси.

Мясо

Сэм перестает говорить о голоде, о холоде. О низких серых тучах, которые бродят у горизонта. Сэм словно хочет переупрямить истину о доме, который не устоит, о тигрином черепе, который, невзирая на весь его рык, не может защитить от голода теперь, когда овес кончился, как и патроны. Люси пытается поговорить об их будущем. У Сэм есть слова только о давно ушедшем прошлом.

Несмотря на затянутое тучами небо, Сэм в следующие дни сияет еще сильнее. Ярче. Каждое утро Сэм восхищается своим отражением в ручье, как любая девчонка... только со своими тараканами. Сэм не укладывает волосы и не расчесывает их. Сэм подрезает свои волосы все короче, пока на голове не остается одна голая кожа. Она радуется потерянными фунтам, заострившимся локтям и впавшим щекам.

И все же в этом тщеславии Люси видит подобие ма.

Когда-то Сэм изучала ма, как теперь изучает себя. Ма преобразалась каждое утро, прежде чем отправиться с ба на рудник. Она прятала волосы под шапочку, белые руки – в рукава. Когда ма нагибалась, чтобы завязать шнурки на ботинках, ее лицо почти касалось золы. Как в истории о бедной девочке, которая сидела на ящике с золой, только наоборот. Прежде это был такой костюм, говорила ма. Пока они не накопили достаточно. Когда Сэм заявила, что тоже хочет иметь

костюм, ма открыла свой сундук со сладковато-горьким запахом и разорвала красное платье на бандану.

Сэм так ослепительно сияла радостью в тот день, что Люси пришлось отвернуться.

Из всей выцветшей, изношенной в пути одежды одна только эта бандана и сохранила свой цвет. Иногда Сэм напевает мелодию себе под нос, повязывая бандану. Песня, слова которой они обе забыли. Эту мелодию напевала когда-то ма.

* * *

Люси, уставшая, с возражениями, усмирёнными голодом, дремлет и днем, и ночью. Ей снятся зеленые деревья с тяжелыми плодами, фонтаны, из которых проливается куриный бульон. Белый пушок появляется у нее на ногах¹⁶. Она мучается от зубной боли. Ее трясет, она трет подбородок, мечтая о запеченном мясе, о плоти, пережаренной, пересоленной, высушенной, как джерки...¹⁷

Когда она, моргнув, просыпается в тот день, запах мяса не проходит. Перо дыма рассекает небо, оно поднимается из рощицы у подножия гор.

Слюна наполняет рот Люси. Поначалу сладковатая, потом стгорченная страхом. Приготовленное мясо означает убитое

¹⁶ Имеется в виду волосяной покров, который иногда появляется на конечностях при плохом питании.

¹⁷ Кусочки вяленого мяса, высушенного в специальных условиях.

мясо, означает людей с ружьями и ножами. Она будит Сэм. Люси одними губами произносит: «Бежим», она показывает на дымок, на Нелли, на тропинку, по которой у них еще хватит сил дойти до места, откуда вьется дымок. Сэм неторопливо зевает, поводит плечами под рубашкой, такой обтрепаншейся, что, кажется, она рассыплется от этого движения.

Сэм тянется к сковородке. словно начался еще один день легкой жизни, словно у них есть картошка или бекон для жарки, словно Сэм все еще не понимает, что ее идея жить вдвоем в этих горах – несбыточные детские фантазии.

– Кидай со всей силы – говорит Сэм, передавая сковородку Люси. Сэм берет заточенную острогу и бросает ее в сторону дыма, крича вслед: – Это наша земля, мы будем ее защищать!

* * *

И вот что они находят в сумерках посреди рощи.

Умирающий костер.

Привязанную лошадь.

Мертвеца, полужасыпанного листьями.

Запаха тления еще нет, но мухи уже жужжат в его бороде. Он завернут в шубу из множества шкурок, словно какое-то сказочное существо. Настал час шакала, когда границы исчезают, черта между реальным и нереальным смягчается.

– Посмотри-ка, – шепотом говорит Сэм, а потом проби-

рается через густые ветки, не сводя глаз с мешков мертвеца и лежащей на них жирной птицы.

Мертвец, таким образом, остается Люси. Во второй раз уже легче – она опускается на колени рядом с покойником. По крайней мере, глаза его закрыты, а не прищурены, шуба чистая, хотя борода и ногти грязные. Люси не может сдержаться – гладит меховые лоскуты: вниз-вверх, вниз-вверх...

Мертвец хватает ее запястье и говорит:

– Не кричи, девочка.

Люси шарахается назад, а человек садится, шурша листьями. Вместе с ним поднимается ружье. Час шакала. Листья, которые укрывали его, чернеют в тени. Но его рука на ее запястье, и это реальность. Его дыхание, блеск оружия, капелька слюны в уголке рта – все это настоящее. Как и его глаза. Странные круглые глаза, где белок гораздо больше зрачка. Они обшаривают Люси.

– Эй, ты, там, не приближайся больше ни на шаг.

Сэм останавливается, в руке она держит один из ножей для свежевания, принадлежащих этому человеку. За ее спиной его мешки – намерения двух девочек яснее ясного.

– Ты провел нас, – воеет Сэм, топая ногами. – Ты хотел, чтобы мы решили, что ты мертвый, ты *хуньдань*¹⁸, ты мерзкий вун.

– Прошу вас, сэр, – шепчет Люси. – Не обижайте нас. Мы не хотели вам никакого вреда.

¹⁸ Негодяй (*кит.*).

Человек отводит глаза от Сэм. Смотрит на Люси. Он неторопливо осматривает ее, его взгляд задерживается на ее губах, потом спускается на ее грудь, живот, ноги. Его глаза щиплют ее кожу. Она отирает губы, открывает их, собираясь заговорить. Но никакого звука не получается.

Он подмигивает ей.

– Не делай ничего такого, о чем можешь пожалеть, – говорит человек, обращаясь к Сэм. Это неправильные слова. – Слушай меня внимательно.

Сэм щетинится, ее недавно подстриженные волосы встают дыбом.

А потом человек говорит:

– Мальчик.

Глаза Сэм в сумерках вспыхивают ярче ножа. Люси снова вспоминает ма в золе и восторженный взгляд Сэм. Этот взгляд преображения.

Сэм роняет нож.

– И это тоже, – говорит человек, показывая подбородком на револьвер.

Сэм отпускает пустой револьвер ба. Люси помнит, что револьвер – штука тяжелая, но он, падая, не производит ни звука.

– Я не хочу вреда никому, разве что этим проклятым мухам, – говорит человек. – Ты это знаешь, да? – обращается он к Люси, которая пытается вырвать руку из его хватки. Он отпускает ее так неожиданно, что она падает. – Легко. – Его

глаза устремляются на ее ноги, обнажающиеся по-новому из-под подола платья. – Легко.

– Мы тоже не хотели сделать вам ничего плохого, – лукавит Сэм.

– Конечно, нет. Разве мы все не путники? Эта земля не принадлежит никому из нас.

Сэм напрягается. Люси опасается, что Сэм ответит: «Она принадлежит нам». Но Сэм вместо этого говорит:

– Верно. Она принадлежит бизонам.

– Я рад, что они ею делятся, – торжественно говорит человек. – И кстати, у меня есть пара куропаток, если вы можете обойтись без соли.

– Мне не нужна соль, – говорит Сэм, а Люси говорит: – У нас много соли.

Они взяли из солончака кусок соли для еды.

– Вот что нужно человеку, и вот что он любит. – Человек гладит себя по животу и широко открывает глаза. – А еще ему нужна компания, например. Тут становится одиноко. Я возьму немного вашей соли и поблагодарю вас за это. А еще я мог бы воспользоваться девочкой.

Его глаза поедают Люси, как лакомство.

Она предлагает постирать его одежду. Приготовить ему обед. Его глаза увеличиваются в размерах, пока наконец он не начинает гоготать. Он утирает слюну с уголков рта двумя грязными пальцами.

– Я мог бы воспользоваться девочкой, ты ведь *девочка*,

верно?

Люси не знает, что он имеет в виду, но кивает.

– Ты рослая для своих лет. Я сначала не разобрался. Тебе сколько? Одиннадцать? Десять?

– Десять, – лжет Люси. Сэм ее не поправляет.

* * *

Позднее Люси поймет. Его взгляд говорит: ты еще слишком юна, чтобы возражать. Она нервничает во время еды, хотя куропатки такие упитанные, что Сэм присвистывает. Люси наклоняется вплотную к шкворчащему мясу и греет руки.

– Вы из углекопов, – говорит человек, показывая собственные ладони. Под его кожей синие пятнышки, похожие на стайки крошечных рыбок. У Люси лишь одно такое пятнышко – там, где угольная пыль попала в ранку. – Как вам удалось уйти такими чистыми и хорошенькими?

– Я работала только по дому, – говорит Люси, отворачиваясь.

Она стыдится своих рук. Руки Сэм все в синих метках, как и у ба, как и у ма под перчатками. Люси так мало работала, перед тем как поступить в школу, а потом умерла ма, и ба больше не хотел ее помощи.

– Мы не углекопы, – говорит Сэм.

Как-то вечером пьяный ба приложил ладонь к кухонной плите, чтобы выжечь эти отметины. Пузыри от ожога не за-

живали у него несколько недель, еще несколько недель ушло на то, чтобы отслоилась мертвая кожа. А отметины остались и на новой коже. Глубоко проникает уголь. «Мы золотоискатели, – настаивал ба. – А уголь – это только временное, чтобы перебиться. *Тин во*».

– Мы искатели приключений, – продолжает Сэм монотонным голосом. – Мы ни на кого не похожи. – Сэм подается вперед, щурит свои темные глаза. – Мы разбойники.

– Конечно, – говорит человек своим приятным голосом. – Разбойники – самые интересные люди.

Он начинает рассказывать об этих интересных людях. Ветер дует Люси в спину, а потом, прихватив с собой жар костра, несет его на Сэм, лицо которой пылает. Человек дает Сэм кусочек куропатки и мрачно кивает, выслушав ее оценку. Он позволяет Сэм нарезать мясо. И только когда они заканчивают есть, человек спрашивает.

– Так откуда вы родом? Вы что-то вроде дворняг, помеси?

Сэм напрягается. Люси пододвигается ближе к сестре, она готова усмирить Сэм, положив руку на ее плечо. Хотя этот человек задал свой вопрос позднее, чем задавало его большинство, его суть та же, что и у всех. Люси никогда не знает, как на него отвечать. Ба и ма не дали ясных ответов. Они все ходили вокруг да около в путанице мифов и полуправд, которых не найдешь в книгах учителя Ли, которые смешаны с тоской, заставлявшей слова ма воспарять ввысь и рассыпаться на части. Таких, как мы, здесь больше нет, говорила ма с

печалью, а ба с гордостью. Мы пришли из-за океана, говорила она. Мы самые первые, говорил он. Особенности, говорил он.

К удивлению Люси, Сэм дает единственный правильный ответ.

– Я – Сэм. – Ее подбородок взлетает вверх. – Она – Люси.

Это явная дерзость, но она, кажется, удовлетворяет человека.

– Слушайте, – говорит он, подняв руки. – Дворняги – мои любимые люди. Я сам помесь. Я не имел в виду ничего плохого. Я только очень хотел узнать, откуда вы пришли сейчас. Вы, по вашему виду, давно странствуете. И кажется, бежали в страхе.

Люси и Сэм переглядываются. Люси отрицательно качает головой.

– Мы родились на этих холмах, – говорит Сэм.

– И никогда их не покидали?

– Мы жили в разных местах. Мы прошли многие-многие мили.

– Тогда вы, конечно, знаете, что есть в этих горах, – говорит человек, и на его лице появляется улыбка. – Мне не нужно говорить вам о существах, которые прячутся там наверху, спасаясь от шахтеров. И вы наверняка должны знать все о том, что находится за этими горами, на равнинах и дальше. Вы, конечно, знаете, что есть звери покрупнее бизонов, железный дракон, например.

Сэм в восторге.

– Животы, набитые железом и огнем, – шепчет человек. Он хороший рассказчик, как ба. А может, лучше. – Поезда.

Люси ничем не выдает, что этот человек и ее заинтриговал. О поездах говорил учитель Ли. Судя по словам этого человека с гор, за последние несколько лет поезда еще больше продвинулись на запад.

– В городке прямо за горами есть станция. Ходят разговоры о том, что и через горы проложат пути, но в это я поверю, когда собственными глазами увижу. Ни одному человеку на этом континенте такое не под силу. Помяните мои слова.

Костер догорает. От двух куропаток остались одни кости, но голод не оставляет Сэм. Человек любезно выкладывает одну историю за другой прямо в ее открытый рот. О поездах и других металлических штуковинах, о трубах, которые изрыгают дым, как громадные животные. О диких лесах, тянувшихся далеко на восток, о льдах на севере. Он рассказывает о пустынях, и в какой-то момент Люси зевает. Зевок получается большой, во весь рот. Когда она снова открывает слезящиеся глаза, человек смотрит на нее недовольным взглядом.

– Я тебе наскучил, девочка?

– Я...

– Я-то думал, вам двоим будет интересно послушать истории старика. Господь свидетель – на западе мало развлечений. В этих местах? – Голос его становится жестче. – Что может привлечь сюда человека? Углекопы опустошили эти

холмы. Шагу не ступишь, чтобы не провалиться в какую-нибудь дыру, вырытую этими извечными дураками.

Сэм молчит.

– На востоке чудес куда как больше. И больше пространства, чем на этой треклятой территории. На запад в поисках золота пришли наихудшие люди.

– Какие? – говорит Сэм.

– Убийцы. Насильники. Опозоренные. Люди слишком мелкие или глупые, чтобы заработать на жизнь у себя дома.

– Мой ба говорил... – голос Сэм звучит пискляво. – Ба говорил, что западные территории когда-то были самым прекрасным местом на земле.

– Я ни за какие деньги ни шага больше не сделаю в сторону запада. – Человек бросает в том направлении косточку куропатки. – Это мертвое место, они там все засунули головы в шахты и рассказывают друг другу, что солнце – тоже слухи.

Рябь, похожая на смех, пробегает по его словам. Но он не жил на этой земле и не работал на ней, не видел, как утро золотит эти холмы, иначе он бы не ходил по ним, не замечая их красоты.

– Мой ба... – говорит Сэм.

– Может быть, твой ба был одним из этих дураков.

Некоторые люди пьянеют от виски. Этот человек с гор пьянел от собственного красноречия. Расслабившийся и беспечный. Он оставил свой нож для свежевания у костра, воткнул его в землю между собой и Сэм.

Люси видит, что Сэм видит нож.

Она думала, что жаждет избавиться от призрака ба. Но в этот момент ей хочется снова увидеть мстительный прищур Сэм.

Человек с гор хлопает Сэм по спине, смеется, говорит, что пошутил, когда назвал Сэм мальчиком, уподобляет Сэм маленькому индейцу, которого он держал у себя целую зиму и который помогал ему расставлять ловушки, спрашивает у Сэм, не хочет ли она услышать об этом. Сэм отводит взгляд от ножа. Да, говорит Сэм. Да, да.

* * *

Сэм ненавидит женскую работу. Испытывает извращенную гордость при виде расходящихся швов, сожженной еды. И тем не менее Сэм стоит утром, размешивая варево в кастрюле, а лучи солнца только начинают проникать через кроны деревьев. Зрелище такое умильное, будто оно приснилось Люси, правда, иллюзию сна нарушает человек с гор – громко дает советы.

Варево, которое размешивает Сэм, похоже на землю, но имеет вкус мяса. Пеммикан – так называют это блюдо их новый знакомый. Вяленая оленина и растертые ягоды. Люси ест быстро, она чуть давится, жалея, что ей не хватает смелости выплюнуть эту еду.

Этим утром они меняются местами: теперь рассказыва-

ет Сэм, а он поедает деликатесы слов круглыми, как обеденные тарелки, глазами. Сэм рассказывает про револьвер и банкира, про двух мальчиков и их мешок с припасами. Человек смеется, ерошит волосы на голове Сэм и провожает Сэм и Люси на их стоянку.

Какое есть у Люси право подозревать человека, который проверяет распухшее колено Нелли, который дает им овес и мешок с пеммиканом? Который рисует карту на куске шкуры и обводит кружком город сразу за горами?

– Тебе это точно понравится, мальчик. Скоро откроется ярмарка, самая большая на сто миль вокруг. Город довольно большой, вы там увидите изысканных леди, а еще индейцев, бакеро и преступников – всяких людей, еще покруче меня.

Сэм не говорит ему «мы остаемся здесь». Сэм говорит:

– А вы куда направляетесь?

– А как называется этот город? – вмешивается Люси.

– Суитуотер¹⁹, – говорит человек.

Ого.

У Люси течет слюна. Даже в трудные годы у них было немного сахара и соли. Но в стране искателей золота и добытчиков угля ни за какие деньги нельзя было купить глотка свежей воды. «Суитуотер» сверкает в голове Люси, как тигриный череп, и она почти не обращает внимания на то, что человек кладет руку на холку Нелли, чтобы задержать их

¹⁹ Суитуотер (в переводе – «сладкая вода» или «свежая вода») – город (ныне исчезнувший) и река на западной границе штата Невада.

еще на минуту.

– Вы помните, я рассказывал про моего мальчишку-индейца? И вот я подумал. Может быть, я могу взять еще одного мальчика. Мои пальцы, – он вытягивает руку, – уже не такие ловкие, как прежде. Мне нужны руки поменьше, чтобы помогать мне и чтобы я мог поделиться тем, что знаю.

Молчание такое же тяжелое, как грозовая туча. И не такое уж категорическое.

– Это любезно с вашей стороны, – говорит Люси, чувствуя, как узлом завязывается у нее желудок. – Но у нас планы. Семейные дела.

Человек оглядывает ее с головы до ног в последний раз.

– Лучше поспешите, пока дождь не начался.

Вода

Грозовые дни. Хляби небесные разверзаются, когда они говорят «до свидания» человеку с гор. Ливень хлещет с такой силой, что капли, ударяясь о землю, взрываются, образуя белый туман, смешанный с взрыхленными частицами почвы и похожий на разорванный послед. Два раза Нелли проваливается в, казалось бы, обыкновенную лужу и погружается по грудь, а потом выпрыгивает. Не столь быстрая лошадь уже несколько раз утопила бы их.

Единственную твердую опору дают кости бизонов. Сестры останавливаются на ночь рядом с особенно крупным скелетом. Сэм сначала прикасается к черепу, словно спрашивая разрешения. Потом они отделяют хрупкие ребра от позвоночника. Сложенные вместе дугообразные кости образуют устойчивые ложа.

Дождь прекращается ненадолго на четвертый день. Они достигли конца гор. Нелли поднимается на невысокое каменное подножие горы – последнее подножие, – и они оттуда смотрят на долины.

Трава здесь невысокая, ровная и зеленая, словно мягкий бархат, развернутый для их гудящих ног. Вдали они видят полосу реки и пятно – вероятно, Суитуотер. Люси делает глубокий вдох при виде этого нового мира. Его запах такой влажный и такой тяжелый на языке.

Она двигается вперед...

Ветер ударяет ее по плечам. Не такой сильный и неистовый, каким он был в дни грозы, а жалобный. Мягкий. В этом ветре печаль, которая заставляет Люси оглянуться.

Издали холмы ее детства кажутся вымытыми дочиста. Она прожила немало дождливых сезонов, но прожила их в слякоти. В местах, где тонкий слой почвы превращается в бульон, каждый день раскисая под приливами и отливами жизни. Издали она не может видеть, насколько опасен запад, насколько грязен. Издали мокрые холмы отливают ровным и ярким светом, они напоминают плитки и тянутся – сокровище за сокровищем – до самого западного горизонта. У нее сжимается горло. Щиплет в глубине носа, за глазами.

Потом это проходит. Она решает, что это воспоминание о старой жажде.

* * *

Встреча с рекой...

Всю жизнь Люси вода означала для нее тонкие, полузадушенные ручейки, текущие вниз от шахт. Река широкая, река живая. Она колотится в берега и бушует. Ма говорила, что ба тоже вода, а Люси никогда до этого дня не понимала, как такое может быть.

Лагерь в этот день они разбивают на берегу. А утром – в Суитуотер. Люси кутается в одеяло, потом вскакивает. От него пахнет пылью фургонных троп и старым потом, месяцами страданий на жаре. Чистота реки несет в себе укор.

– Я оставляю тебя, – говорит она одеялу.

Сэм поворачивает голову.

– Что?

Люси пинает одеяло, отбрасывая его в сторону, встает. Она сразу же чувствует себя чище. Ночь прохладная и влажная.

«Вода для очищения», – говорила ма.

– Когда мы придем туда, – говорит Люси, кивая на огни Суитуотера, – ни одна душа не должна знать, кто мы или что сделали. И мы никому не обязаны ничего говорить. Если кто спросит, откуда мы, – мы можем говорить что угодно. Я тут думала. Мы вообще можем обойтись без всякой истории.

Сэм запрокидывает лицо.

– Шанс начать все заново. Неужели ты не понимаешь? Нам не обязательно быть шахтерами.

Или неудачливыми золотоискателями. Или разбойниками, или ворами, или отчисленными учениками, или животными, или жертвами.

Сэм поднимается на локоть и говорит с легкостью:

– Если они не захотят нас, то нам ни к чему и оставаться.

Мы их тоже не хотим.

Люси смотрит на нее сверху вниз. Как это ни нелепо, Сэм усмехается.

Три месяца они скитались, боясь и скрываясь, и Сэм воспринимала это как игру. Сэм, которая в любом месте чувствует себя как дома, не страшат и самые тяжелые испытания. Карта, которую нарисовала Сэм, тропинка, которую хотела выбрать Сэм, – это все не про месяцы или годы, понимает Люси. Это было началом жизни.

– Я не могу, – говорит Люси. – Я должна остановиться.

– Ты меня бросаешь? – Лицо Сэм искривляется, словно это не Сэм говорила об уходе, словно это не Сэм не сидится на одном месте. – Ты меня бросаешь.

Сэм гневается – не увидеть это невозможно. На этот раз Люси не сдается. Она напрягает спину. Сэм всегда считала, что право на гнев она получила от рождения. Кто дал Сэм это право?

– Ты такая эгоистка, – говорит Люси; сердце у нее колотится, чуть не выпрыгивает из горла. В ритм с сердцем ломается и ее голос. – Ты знаешь одно: хочу, хочу. Ты когда-нибудь спросила, чего хочу я? Ты не можешь ждать от меня, что я буду вечно потакать твоим капризам.

Сэм тоже встает. Прежде Люси смотрела сверху вниз, всегда вниз, на лицо младшей сестры. Теперь оно вровень с ее лицом. Лицо чужого человека. Лицо, которому она не может

сказать, что...

Что она безусловно хочет чистой воды и хороших комнат, платьев и ванн... но все это только вещи. А что еще, кроме этого, – она не знает. В пустоте внутри ее больше нет всего того, что было там прежде, точно так же и могила, которую они выкопали, не смогла вместить всей выброшенной из нее земли. Углекопы знают: выкопаешь слишком глубоко, выберешь слишком много того, что ценно, и вероятность обрушения будет высока. Тело ба, сундук ма, хибара, ручки и холмы – она с радостью оставила все это, предполагая, что Сэм останется с ней по крайней мере до того времени, пока они не перейдут в будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.